

Павел Руденок

An illustration of two children, a girl with a long red braid and a boy with white hair and glasses, holding hands and walking towards a small wooden house at night. The house has a warm light emanating from its windows. A dog is visible near the house, and a fence separates the children from the property.

Тихая гавань.
Чужой дом

Павел Руденок

Тихая гавань. Чужой дом

«Автор»

2026

Руденок П.

Тихая гавань. Чужой дом / П. Руденок — «Автор», 2026

Однажды летом две девочки ушли в лес. Они искали приключений — как все дети в десять и девять лет. Они не думали, что лес может быть живым. Что он дышит, слушает, ждёт. Лес хранит тайны, которым сотни лет. Тайны, которые не рассказывают детям. Тайны, которые нельзя забыть, даже если очень хочется. И когда за спиной смыкается тьма, а дорога домой исчезает, остаётся только одно: держаться друг за друга. Потому что страх — это не самое страшное. Самое страшное — остаться одной. Это история о дружбе, которая сильнее страха. О вере, которая рождается в отчаянии. О доме, который не всегда там, где ты его ищешь.

© Руденок П., 2026

© Автор, 2026

Павел Руденок

Тихая гавань. Чужой дом

АННОТАЦИЯ

Однажды летом две девочки ушли в лес.

Они искали приключений — как все дети в десять и девять лет. Они не думали, что лес может быть живым. Что он дышит, слушает, ждёт.

Лес хранит тайны, которым сотни лет. Тайны, которые не рассказывают детям. Тайны, которые нельзя забыть, даже если очень хочется.

И когда за спиной смыкается тьма, а дорога домой исчезает, остаётся только одно: держаться друг за друга. Потому что страх — это не самое страшное. Самое страшное — остаться одной.

Это история о дружбе, которая сильнее страха. О вере, которая рождается в отчаянии. О доме, который не всегда там, где ты его ищешь.

КНИГА «ТИХАЯ ГАВАНЬ. ЧУЖОЙ ДОМ»

Павел Руденок

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОД, ДВОР, ЛЕТО

Глава 1.1.

Жара пришла в Боровицк в середине июля и задержалась, как незваная, но приятная гостья, которая пьёт чай из большого блюдца и никак не собирается уходить. Третью неделю стояло такое лето, о котором потом вспоминают всю жизнь: медленное, звонкое, пропахшее лебедой и переспелой клубникой, с долгими вечерами, когда солнце никак не хочет нырять за горизонт, а застревает между двумя облаками и смотрит на город жёлтым, хитрым глазом.

Улица Чехова лежала на самом краю города. Она начиналась у старой церкви, чья позолоченная маковка была видна отовсюду — как безмолвный сторож, — и уходила на восток, упираясь в пустырь, за которым чернела стена леса. Асфальт лежал ровно, но выпцвел до пепельного, и к концу улицы, где дома становились реже, переходил в утрамбованную грунтовку, прораставшую сухой колючей травой.

Дома стояли почти все частные, с палисадниками, с заборами. Одни заборы были покрашены зеленой краской, другие — из волнистого профлиста, у третьих и вовсе ограды не было: грядки с укропом и блеклой морковной ботвой начинались прямо от тротуара. Соседская рыжая курица, нахохлившись, перебежала дорогу, лениво клюя щебенку, и никто не обращал на неё внимания.

С одной стороны, вдоль всей улицы, тянулась полоса гаражей. Они стояли плотной стеной, серые, приземистые, с раскалёнными на солнце воротами. За гаражами простирался пустырь, заросший чертополохом, а за пустырем начинался лес. С другой стороны улицы, за домами, простиралось поле, звенящее от кузнечиков.

А пока — только улица. Только июль, стоящий в зените, когда воздух, плотный и горячий, дрожит над шиферными крышами, и даже Шарик, рыжий соседский пес, не лает — лежит в тени под старым тополем, вывалив розовый язык, и тяжело дышит, прикрыв глаза.

Дом номер семнадцать стоял на правой стороне, почти у самого края, где асфальт уже заканчивался. Он был зелёным. Не ярко-зелёным, а выпцветшим до сероватого, с пятнами белой известки, оставшейся еще с прошлого ремонта. Забор из сетки-рабицы обвивал выюнок с мелкими бледно-розовыми цветами.

За калиткой начинался двор. Посередине росла старая яблоня с мелкими зелено-желтыми плодами. Они висели густо, но никто их не рвал — яблоки были кислыми, терпкими, и каждый год они падали на землю, распространяя вокруг почти винный запах. На нижней ветке висело осиное гнездо — серый бумажный шар.

Справа от калитки, почти вплотную к дому, стоял гараж. Серый, из шлакоблока, с волнистой шиферной крышей. Вдоль стены тянулась водосточная труба, местами тронутая ржавчиной. Внутри, за тяжелыми воротами, пахло бензином и машинным маслом.

Дом стоял в глубине двора. Деревянный, из толстых, потемневших от времени бревен, на кирпичном фундаменте. Три окна фасада выходили на улицу. Два окна, смотревшие во двор, были больше, светлее. Одно из них — правое, угловое — было распахнуто настежь. Лёгкий ветер шевелил края белой занавески, впуская в комнату запах нагретой листвы и пыльной земли.

В этом окне, высунувшись наружу и опершись локтями о подоконник, стояла девочка. Ей было десять лет, худощавая, с русыми волосами, заплетенными в тугую косу. Коса была тяжёлой и наверняка больно стягивала кожу на висках, но девочка не обращала на это внимания. Она шурилась на солнце, глядя на серые ворота гаражей напротив, на пыльные кусты сирени у соседского забора, на курицу, сонно перебиравшую лапами посреди дороги.

Девочку звали Соня.

Она смотрела по сторонам и скучала. Это была особая, летняя скука — не та, острая, когда хочется плакать, а та, тягучая, как кисель. От которой всё внутри становится ватным, и кажется, что сегодня уже ничего не случится, и завтра тоже. Вчера был поход в магазин за хлебом и эскимо, позавчера — прополка грядки с противными ползучими сорняками, которые норовили обвить пальцы. А сегодня — ничего. Вообще ничего.

Единственным островком в этом застывшем мире была Софа. Она переехала на их улицу в начале лета, в белый дом с синими ставнями, который стоял на той же улице, через три дома от Сониного.

— Соня! — донеслось с кухни. Голос мамы Оли был негромким, но в нем всегда звучала ровная, неотступная озабоченность. — Не сиди у окна. Продует.

— Мам, на улице тридцать градусов, — ответила Соня, не оборачиваясь.

— А сквозняк — он и в Африке сквозняк.

Соня вздохнула, но отошла от окна ровно на шаг — так, чтобы мама, если заглянет, решила, что её послушались. С кухни тянуло жареным луком. Мама возилась с тестом.

В комнате у Сони было чисто и бедно. Белые стены, на одной — плакат с лошастью на пастбище, подаренный тётей из Москвы. На старой этажерке теснились книги: потрёпанная энциклопедия, Драгунский, несколько взрослых детективов с потертыми корешками, которые Соня перечитала по три раза.

На тумбочке у кровати лежал фонарик. Большой, тяжелый, с чёрной резиновой ручкой. Папа Паша подарил его на день рождения. «Чтобы не боялась спать», — сказал он тогда. Соня не признавалась, что боится. Она просто держала фонарик под подушкой и каждую ночь, перед тем как погасить свет, нажимала кнопку, проверяя — горит ли.

За стеной, в маленькой спальне, слышно было, как папа собирает сумку. Он работал сварщиком на заводе «Промтех». Уходил рано утром, когда небо было еще серым, и возвращался к ужину, пахнувший железом и окалиной. Говорил он редко, улыбался еще реже, но, когда улыбался, в углах его глаз расходились лучики маленьких морщинок, и Соня чувствовала себя почти счастливой.

Он прошел через кухню. Соня услышала тяжелый стук его ботинок по половицам, потом скрип двери.

— Я пошёл, — сказал он, уже натягивая кепку. — Вернусь к ужину.

— Ага, — ответила Соня, не оборачиваясь от окна.

— Мать слушайся, — добавил он уже с порога. Помолчал. — И не скучай там. Лето, в конце концов. Вчера ты на что-то смотрела в окно. На лес, что ли?

Соня обернулась. Папа стоял в дверях, смотрел на неё внимательно, исподлобья.

— Не знаю, — ответила она.

— Знаешь, — он усмехнулся — коротко, почти незаметно, и в глазах мелькнуло что-то тёплое. — Просто не хочешь говорить. Ладно. Я сам был маленький.

— Пап, — сказала Соня, — а можно я с Софой погуляю?

Он задержался на мгновение, потом кивнул.

— Недалеко. И к обеду чтобы была дома.

Дверь хлопнула. Соня услышала, как скрипнула калитка, а потом за окном застучал старый мотоцикл. Он заводился с пятого раза, громко кашляя и чихая сизым дымом. Соня проводила его взглядом до угла, где фигура в синей робе скрылась за пыльными кустами сирени.

— Иди погуляй, — сказала мама, вытирая руки о цветастый фартук. Она стояла в проеме кухни, невысокая, с седеющими волосами, стянутыми в небрежный пучок. — Чего сидишь, как взаперти. С Софой подружись. Хорошая девочка, только очки эти всё время с носа падают.

Соня не стала спорить. Надела старые, разношенные сандалии, сунула в карман шорт ключ от дома на резинке и вышла во двор.

Калитка встретила её привычным скрипом. Соня, не глядя, ударила её пяткой в нужное место — чуть выше нижней планки. Скрип прекратился. Маленькая победа, которую она одерживала каждый раз, когда выходила из дома.

Улица Чехова в полдень жила своей неторопливой жизнью. У дома номер двенадцать — жёлтого особняка с резными наличниками в виде петушков — сидела баба Галя. Она была древней, как сам этот город, с лицом, изрезанным морщинами, похожими на трещины в сухой земле. В одной руке она держала поливочный шланг, из которого тонкая струя била в корни петуний, в другой — лениво обмахивалась старой газетой. Её внучка копалась в песочнице, сосредоточенно сопя.

— Здравствуйте, — сказала Соня, проходя мимо.

— Здорово, доча, — проскрипела баба Галя, щурясь на солнце. — Жарко-то как. Ты к Софье, что ли?

— Ага.

— А она у себя, — сказала баба Галя и, словно вспомнив что-то важное, погрозила Соне шлангом. — Вы только далеко не ходите.

— А мы и не ходим, — ответила Соня, ускоряя шаг.

Дом Софы — номер двадцать три — стоял дальше по улице, через три дома от Сониного. Он был маленьким, белым, с яркими синими ставнями и высокой черепичной крышей. Он выглядел аккуратным, почти игрушечным, как будто его поставили среди соседей специально, чтобы нарушить общую картину. У забора стояла скамейка, выкрашенная той же синей краской, и старая колонка. Из неё зимой вымораживало воду, но летом, если нажать на ржавый рычаг, можно было напиться — холодной, с железным привкусом.

Соня толкнула калитку. Она не скрипнула — у Софы вообще всё было тихо. Мама Ира терпеть не могла лишних звуков.

На веранде, прямо на выскобленных досках пола, сидела Софа. Её можно было узнать издали — по светлым, почти белым волосам, рассыпавшимся по плечам, и по очкам в тонкой металлической оправе. Она сидела, скрестив ноги, и что-то увлеченно рисовала в альбоме, высунув от усердия кончик языка. Одна дужка очков была перемотана синей изолентой — Софа уронила их в прошлом месяце, когда карабкалась на гараж. На ней была выцветшая зелёная футболка с бледным силуэтом динозавра.

Увидев Соню, она подняла голову и улыбнулась. Очки съехали на самый кончик носа, и она поправила их привычным жестом — большим пальцем за переносицу.

— Привет, — сказала Софа. Голос у неё был звонким, чуть с присвистом, когда она выговаривала «р» — из-за этой лёгкой картавости во дворе иногда дразнили. Но Соня за это никогда не дразнила.

Соня подошла, села на корточки.

— Скучно, — сказала она вместо приветствия.

— Ага, — согласилась Софа, откладывая карандаш. — Я уже изрисовала всё.

Она показала альбом. На развороте был нарисован монстр — с тремя глазами, щупальцами вместо рук и огромным ртом с треугольными зубами.

— Это кто? — спросила Соня, разглядывая рисунок.

— Баба Галя, — серьёзно ответила Софа. — Она вечно ворчит, что я слишком громко смеюсь. Говорит: «Тише, Софья, люди отдыхают». А я же не специально, я просто смеюсь.

Соня фыркнула. Баба Галя действительно вечно ворчала на всех, кто проходил мимо её дома.

Они помолчали. Вдалеке, где-то за гаражами, прошуршал поезд. Сначала тихо, потом громче, потом снова затихая — как будто кто-то проехал по нервам города.

Софа задумалась, почесала кончик носа, чуть не сбив очки. Потом сказала:

— Давай что-нибудь придумаем?

— Например? — Соня лениво приподняла бровь.

— Ну... — Софа повела плечом, отводя взгляд. — Не знаю. Что-нибудь... интересное.

Соня посмотрела на неё. В Софиных глазах за толстыми стёклами очков горел тот самый огонь — детский, азартный, который не умеет притворяться. Соня видела этот огонь, и где-то в груди, в том месте, где только что была вязкая, пустая скука, шевельнулось что-то тёплое, живое.

— Придумаем, — сказала Соня. И добавила, сама не зная зачем: — Только недолго. Мама сказала — к обеду вернуться домой.

Они вышли со двора и повернули направо, к старым тополям, которые росли на углу улицы Чехова и переулка Жуковского. Под самым большим тополем нашлось сухое, примятое место — кто-то уже сидел здесь до них, примяв траву. Соня опустилась на это место, опершись спиной о шершавый ствол. Софа села рядом, положив альбом на колени.

Здесь, в тени, даже воздух казался другим — чуть прохладнее, гуще. Соня сорвала травинку, зажала между большим и указательным пальцами, подула — травинка издала тонкий, жалобный писк.

— Умеешь? — спросила Софа, подавшись вперёд.

— Ага. Папа научил.

Соня сорвала вторую травинку и протянула Софе, не глядя — глядя вверх, в листву, где солнечные зайчики прыгали с ветки на ветку. Софа взяла, приложила к губам, подула — травинка выскользнула из пальцев и упала на колени.

— Не получается, — сказала она, и в голосе послышалась досада.

— Сначала прижми покрепче, — Соня показала, зажав травинку большими пальцами. — И не дуй сильно. Совсем чуть-чуть, как будто задуваешь свечку на торте, но, чтобы не погасить.

Софа попробовала снова. Травинка издала короткий, срывающийся звук, похожий на писк птенца.

— Почти! — обрадовалась Софа и снова приложила к травинке, высунув от усердия кончик языка. На этот раз звук получился громче и чище.

— Научилась, — кивнула Соня, и уголки её губ дрогнули в улыбке.

Они сидели, прислонившись спинами к шершавому стволу, и смотрели вверх. Солнечный свет сочился сквозь листву, падал на лица жёлтыми, дрожащими пятнами, и от этого казалось, что весь мир вокруг них медленно кружится. Где-то высоко, в кроне, пересвистывались птицы — коротко, лениво, будто им тоже было жарко.

Тополь ронял пух. Белые, лёгкие хлопья плыли в неподвижном воздухе, кружились, опускались на траву, на колени, в волосы. Одина пушинка села Соне на нос. Она скосила глаза, пытаясь его разглядеть, потом сдула — тихо, осторожно, чтобы не спугнуть это летнее спокойствие. Пух взлетел, покружился и уплыл куда-то в сторону.

Софа рассмеялась — негромко, по-девичьи, прикрывая рот ладонью, будто боялась нарушить тишину.

— Сонь, — сказала Софа, глядя вверх, сквозь листву. — А давай что-нибудь сделаем? Ну, чтобы запомнить это лето.

— Например? — спросила Соня, всё ещё глядя в небо.

— Не знаю, — Софа задумалась, покусывая травинку. — Закопаем клад, например. Настоящий. С запиской. А через сто лет кто-нибудь найдёт и подумает: «Ого, тут жили крутые люди».

— Крутые люди, значит? — переспросила Соня, и в голосе её послышалась лёгкая насмешка, но глаза уже загорелись ответным огнём.

— Самые крутые во дворе, — серьёзно кивнула Софа.

Соня посмотрела на неё, потом на свои руки, сжимающие травинку. Помолчала. Потом сказала:

— Ладно. Давай как-нибудь закопаем.

Внутри Сони что-то щёлкнуло. Тихо, едва слышно — как будто в груди завелась маленькая пружинка. И сразу стало тепло, и захотелось смеяться, и бежать куда-то, и делать что-то важное. То самое лето — медленное, звонкое, пропахшее лебедой и переспелой клубникой — наконец-то началось.

Глава 2.1.

Утро следующего дня наступило не постепенно, а сразу — будто кто-то щёлкнул выключателем, и комнату залило жёлтым плотным светом. Солнце уже поднялось над крышами гаражей и лезло в распахнутое окно, разливаясь по полу горячим, липким пятном. Соня открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, на котором солнечный зайчик от маминого зеркала плясал по потолку — маленькое, обезумевшее животное, которое никак не могло найти выход.

В комнате пахло утром. Тем особым запахом, который бывает только в июле: нагретой пылью, сухой травой из открытого окна, и чем-то ещё — неопределённым, тёплым, что обещало целый день впереди, целое лето, и ничего не надо делать, если не хочется.

Соня села на кровати, свесила ноги. Подошвы коснулись прохладного пола — половицы были старыми, рассохшимися, и одна, у самой тумбочки, всегда предательски скрипела. Сегодня Соня наступила на неё специально. Скрип получился жалобным, как у больного котёнка. Она усмехнулась. Маленькая утренняя победа.

— Ты встала? — донеслось с кухни. Мама Оля говорила негромко, но в её голосе уже звучала та утренняя деловитость, которая означала: пора завтракать, умываться, не валяться.

— Да, — отозвалась Соня, хотя на самом деле она сидела неподвижно, разглядывая свои колени. Левую она ободрала вчера, когда лезла через забор. Корочка запеклась тёмной, почти чёрной линией, и если тронуть — болело. Соня тронула. Было больно. Она улыбнулась.

На кухне пахло оладьями. Этот запах Соня узнавала с закрытыми глазами — сладковатый, масляный, чуть пригорелый, потому что мама Оля всегда ставила огонь слишком сильным.

Соня спустила ноги с кровати и пошлёпала босиком по коридору.

Папа Паша сидел за столом уже одетый — в синей рабочей робе, выцветшей на плечах и локтях. Он пил чай из блюдца — шумно, с прихлёбыванием, — и листал газету, которую принёс с собой вчера, но так и не прочитал.

— Доброе утро, — сказала Соня, поджав под себя ноги.

Папа поднял глаза, посмотрел на неё поверх газеты. Не улыбнулся, но кивнул — коротко, по-своему. Соня знала этот кивок: он означал «я рад тебя видеть». Просто он не умел показывать это иначе.

Мама поставила перед Соней тарелку с тремя оладьями — толстыми, с подгоревшими боками и почти сырыми в середине. Сверху — ложка сметаны, неровная, оплывшая.

— Ешь, — сказала мама, вытирая руки о фартук. — Сегодня жарко будет. С утра уже двадцать пять.

— Откуда знаешь? — спросила Соня, разламывая оладью. Внутри оказалось жидкое тесто. Она любила такую — почти сырую, тягучую.

— Телевизор сказал. И окно. Посмотри.

Соня посмотрела в окно. Небо было чистым, выплывшим от жары, без единого облака. Церковная маковка на горизонте горела золотом — так, что больно смотреть.

Соня доела последнюю оладью, запивая сладким чаем.

— Мам, можно я к Софе пойду? — сказала Соня, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Иди, — ответила мама, не оборачиваясь от плиты. — Только к обеду вернись. И не сидите на солнце.

— Хорошо.

Соня выскочила из-за стола и, громко шлёпая босыми ногами, побежала в свою комнату.

Она надела джинсовые шорты и футболку с выплывшим тигром. Тигр был когда-то оранжевым, а теперь стал бледно-жёлтым и почти сливался с тканью. Соня зачесала волосы назад, заплела тугую косу. Мама говорила, что с косой она похожа на «комсомолку двадцатых годов». Соня не знала, кто это такие, но звучало не обидно.

Фонарик под подушкой она проверила машинально — нажала кнопку, жёлтый свет ударил в потолок. Работает. Сунула его обратно. У порога натянула свои сандалии — старые, разношенные, с потертыми подошвами.

— Не шляйтесь где попало, — напутственно сказал папа Паша, не отрываясь от газеты. — Вчера от Лёшкиной бабки слышал, что на Октябрьской дом заброшенный кто-то поджёт. Не вы?

— Нет, — быстро ответила Соня, выбегая во двор. — Мы гуляли у дома.

Калитка встретила её привычным скрипом. Соня, не глядя, ударила её пяткой в нужное место — скрип прекратился.

Через несколько минут Соня стояла возле калитки Софиного дома. Она толкнула её, и та бесшумно распахнулась, словно ждала её. Внутри двора царила тишина такая, что Соня слышала, как где-то за гаражами шуршит поезд. Она вспомнила слова мамы Софы: «Тишина — это порядок». И хотя Соня не понимала, как эти два слова могут быть связаны, она знала: в этом доме всегда тихо. Даже когда Софа играла в своей комнате, она делала это почти беззвучно, словно боялась нарушить хрупкую, натянутую, как струна, атмосферу.

— Софа! — позвала Соня, подходя к дому. — Ты уже проснулась?

Из окна высунулась голова. Светлые, почти белые волосы торчали во все стороны — Софа, видимо, только что встала и даже не причесалась. Очки сидели криво, одна дужка с синей изолянткой смотрела вверх, как маленькая антенна.

— Привет, — сказала Софа сонным голосом. — Заходи. Только тихо. Мама работает.

— Всегда тихо, — буркнула Соня, открывая дверь.

Внутри пахло кофе и чем-то сладким — может быть, ванилью, может быть, духами. Мама Ира сидела за кухонным столом, поджав под себя ноги, с ноутбуком на коленях. На ней была старая растянутая футболка и домашние штаны в цветочек. Тёмные круги под глазами говорили о том, что она опять не спала ночью — работала над очередным заказом. Ира была гра-

фическим дизайнером, что означало: она могла работать в любое время суток и чаще всего выбирала ночь.

— Здравствуй, Соня, — сказала Ира, не отрываясь от экрана. — Как дела?

— Хорошо. — прыгая на одной ноге, снимая сандаля, ответила Соня.

— Софа в комнате, — кивнула Ира в сторону коридора и снова уткнулась в ноутбук. — Только вы там не шумите, ладно?

Соня кивнула и прошлёпала по коридору к Софиной комнате.

Комната Софы была полной противоположностью Сониной. Если у Сони всё лежало по местам — книги на полках, тетрадки в стопке, карандаши в стакане, — то у Софы царил управляемый хаос. Везде, куда ни глянь, были разбросаны цветные карандаши, фломастеры, листы бумаги с рисунками. На полу — плюшевый пёс Тимофей, большой, лохматый, с оторванным ухом, который Софа отказывалась зашивать («Ему так больше нравится»). Напротив Софиной кровати, вдоль стены, стоял сложенный раскладной диван, заваленный подушками.

На стенах — её же рисунки, приклеенные скотчем: монстры, пришельцы, страшные маски, и среди всего этого — один натюрморт с вазой и яблоками, который она нарисовала в школе и почему-то особенно ценила.

Софа уже сидела на кровати, натянув джинсовые шорты и такую же выцветшую, как у Сони, зелёную футболку — только не с тигром, а с динозавром, который держал в лапах табличку «Я люблю маму».

— Ты чего так рано? — спросила Софа, поправляя очки. Те сразу же съехали обратно на кончик носа. — Я думала, ты спишь до обеда.

— Сама ты спишь до обеда, — ответила Соня, усаживаясь на пол и пододвигая к себе Тимофея. Плюшевый пёс пах Софой — молоком и солнцем. — Я встала, как все нормальные люди.

— А моя мама говорит, что нормальные люди встают, когда выспятся.

— Твоя мама вообще странная.

Софа не обиделась. Она привыкла, что Соня иногда говорит резко. Это было частью их дружбы — как то, что Соня всегда берёт на себя инициативу, а Софа либо соглашается, либо тихо сопротивляется. Тихо — но упрямо.

— Хочешь комикс? — спросила Софа, протягивая тонкую книжку в потрёпанной обложке. — Тут про девочку, которая нашла портал в другой мир.

Соня взяла комикс, полистала. Рисунки были странными — карандашными, с обилием чёрного цвета. Монстры выглядели пугающе реалистично, а портал — как тёмное пятно посреди леса.

— Страшновато, — сказала Соня, закрывая книжку.

— Нормально, — ответила Софа, забирая комикс и прижимая его к груди. — Там всё хорошо кончается. Она возвращается домой и становится сильнее.

— А родители? — Соня нахмурилась. — Они что, не ищут её?

— Ищут, — Софа пожала плечами и отвела взгляд, уставившись в стену, где висели её рисунки. — Но она им не говорит. Боится. Что не поверят. Или что не разрешат больше гулять. Она сама справляется.

Соня посмотрела на подругу. Софа сидела, всё ещё глядя в стену, и пальцы её теребили край комикса. Она говорила не про девочку из книжки.

— А ты бы сказала? — тихо спросила Соня.

Софа повернулась к ней. В глазах за толстыми стёклами очков мелькнуло что-то быстрое — растерянность, может быть, или страх. Она открыла рот, чтобы ответить, но передумала. Вместо этого она опустила голову, снова уставившись в комикс.

Повисла тишина. Слышно было только, как за стеной мама Ира стучит по клавиатуре — быстро, нервно, словно отбивает какой-то сложный ритм.

— А ты чего боишься? — вдруг спросила Софа. — По-настоящему, не для смеха.

Соня хотела ответить: «Ничего». Но почему-то не смогла. В горле застряло слово, которое она никогда никому не говорила. Даже маме. Даже папе, когда он пытался поговорить с ней перед сном.

— Темноты, — сказала она наконец, глядя в пол. — Я боюсь темноты.

Софа молчала несколько секунд. Потом сползла с кровати, села рядом с Соней и взяла её за руку. Ладонь у Софы была тёплой, чуть влажной.

— Я тоже кое-чего боюсь, — сказала Софа. — Я боюсь оставаться одна в квартире. Когда мама уходит на ночную смену, я не сплю. Включаю свет во всех комнатах и слушаю.

— Что слушаешь?

— Звуки. В доме всегда что-то скрипит, стучит, шепчет. Я знаю, что это просто трубы или дом оседает, но мне всё равно страшно.

Они помолчали. Тишина была уже не пустой, а наполненной — доверием и чем-то ещё, чему Соня не умела подобрать название.

— Давай будем гулять всё лето вместе, — сказала Соня. — Чтобы не бояться.

— Давай, — ответила Софа. И улыбнулась.

За окном застрекотал кузнечик. Где-то вдалеке снова прошуршал поезд. Соня отпустила Софину руку, но тепло осталось.

Соня поднялась, одёрнула футболку. Софа встала следом, поправила очки.

— Пошли, — сказала Соня.

— Куда? — Софа зевнула, прикрывая рот ладонью.

— К тополям. Помнишь, вчера сидели? Надо место найти. Для клада.

Софа моргнула, потом улыбнулась — медленно, как будто просыпалась прямо сейчас.

— А там никто не увидит? — спросила она. — Если мы будем копать?

— Увидит, — ответила Соня, натягивая сандалию у порога. — Но не поймёт. Решит, что мы просто играем.

— А если спросит?

— Скажем, что ищем червяков, — пожала плечами Соня. — Или клад. Как повезёт.

Софа прижала Тимофея к груди и улыбнулась — той самой улыбкой, от которой очки съезжали на нос.

— Тогда пошли, — сказала она. — Пока нас не спросили.

Они вышли на крыльцо, и солнце ударило в лицо. Софа зажмурилась, прикрывая глаза ладонью.

— Ты чего? — спросила Соня, уже стоя на тёплой земле.

— Светло, — ответила Софа, щурясь. — Очень.

— Привыкнешь, — сказала Соня и зашагала вперёд.

Софа пошла следом, придерживая Тимофея, чтобы он не болтался. Улица уже проснулась, воздух дрожал над асфальтом, и где-то за гаражами шуршал поезд.

А на кухне, на столе, на экране ноутбука зажглось уведомление: «Пропали дети в соседнем районе. Будьте внимательны». Мама Ира скользнула по нему взглядом, смахнула — просто привычка, не читая, — и снова уткнулась в работу.

Мир продолжал жить своей жизнью.

Глава 3.1.

Соня первой добежала до тополя и, не сбавляя шага, рухнула на траву, раскинув руки. Софа прибежала следом, запыхавшись, и плюхнулась рядом, прижимая к груди Тимофея, который болтался у неё на руке, как тряпичная кукла.

— Ну что, — сказала Соня, глядя в листву над головой, — где будем копать?

— Погоди, — ответила Софа, пытаясь отдышаться. — Дай... дух перевести.

— Некогда, — Соня села, обхватив колени. — Пока жара не началась.

Она сорвала травинку, зажала между пальцами, подула — та издала тонкий писк.

— Сонь, — сказала Софа, перевернувшись на живот и положив подбородок на руки, — а что мы будем закапывать? У тебя есть что-нибудь ценное?

Соня задумалась, покусывая травинку.

— Значок есть. Старый. С красной звездой. Я его в прошлом году нашла.

— Красивый? — спросила Софа.

— Не знаю. Ржавый уже. Но он мне нравится.

— А ещё что-нибудь можно? — Софа приподнялась на локтях, и глаза её за толстыми стёклами очков загорелись. — Записку бы написать. И положить в какую-нибудь банку. Чтобы как настоящий клад.

Соня улыбнулась.

— Банка есть. Жестяная, из-под чая.

— Ура! — Софа хлопнула ладонью по траве. — Тогда пошли принесём.

Соня поднялась, отряхнула колени. Софа вскочила следом, прижимая Тимофея.

— Бежим, — скомандовала Соня и сорвалась с места.

Они пронеслись мимо бабы Гали, которая как раз выходила из калитки с лейкой в руках, и та только покачала им вслед головой, ничего не сказав.

У Сониной калитки Соня затормозила, на лету ударила пяткой по скрипучей планке, и калитка распахнулась беззвучно — маленькая победа, которая сегодня почему-то казалась особенно важной.

— За мной! — крикнула она и нырнула в дом.

— Ты где? — крикнула Софа, остановившись на пороге и щурясь от солнца, бывшего в приоткрытую дверь.

— В чулане! — донеслось откуда-то из глубины дома. — Сейчас, найду!

Софа переступила порог, осторожно ступая по тёмным половицам. Тимофей свесил голову вниз, разглядывая щели между досками, будто там тоже можно было отыскать сокровище. В доме пахло сухими травами, старой древесиной и чем-то сладковатым — может, прошлогодним вареньем, которое Сониная мама прятала в кладовке.

— Нашла! — Соня появилась из полумрака с жестяной банкой в руках, потрясла её над головой, и внутри что-то глухо брякнуло. — Там ещё старый ключ лежал, забыла про него. Тоже положим.

— Ключ? — Софа подошла ближе, с любопытством заглядывая в банку, когда Соня сняла крышку. — От чего он?

— Не знаю. — Соня пожала плечами. — Может, от сундука. Или от калитки, которая давно сломалась. Но он железный, тяжёлый — значит, тоже ценность.

Она высыпала на ладонь ржавый значок с красной звездой и потемневший, с резной головкой ключ. Покрутила их, посмотрела на свет, потом аккуратно уложила обратно в банку.

— Теперь записку, — сказала Софа, переступая с ноги на ногу. — У тебя бумага есть?

— В комнате, на столе, — кивнула Соня. — И ручка. Пошли.

Они прошли в маленькую светлую комнату, где на подоконнике в трёхлитровой банке плавали веточки мяты, а на столе, заваленном тетрадками и цветными карандашами, лежал смятый лист в клетку. Соня разгладила его ладонью, взяла ручку и задумалась.

— Что писать? — спросила она, грызя колпачок.

— Ну... — Софа посадила Тимофея на стол, прислонив его спиной к стопке тетрадей, чтобы он не упал. — Напиши: «Тот, кто найдёт этот клад, будет самым счастливым на свете. Потому что мы загадали желание и спрятали его здесь».

— А если найдёт кто-то злой? — нахмурилась Соня.

— Тогда пусть он станет добрым, — легко ответила Софа. — Или пусть клад ему не достанется. Добавь: «Клад забирает только тот, у кого сердце чистое».

Соня улыбнулась и принялась выводить буквы, старательно, с нажимом, то и дело высывая кончик языка. Софа стояла рядом и шептала, помогая подбирать слова.

— Всё, — сказала Соня через пять минут, подняв листок и дую на чернила. — Готово.

— Дай нарисую что-нибудь, — добавила Софа, отбирая ручку. Она нарисовала в углу смешную рожицу — круг с двумя точками и кривой улыбкой. У рожицы были кривые очки, как у самой Софы.

— Похоже, — сказала Соня, усмехнувшись.

Она сложила записку вчетверо, сунула в банку поверх значка и ключа, и плотно закрыла крышку. Банка издала звонкий, твёрдый звук.

— Теперь копать, — решительно произнесла Соня и пошла к выходу, сжимая банку в руке, как настоящий сундук с сокровищами.

На улице солнце уже поднялось выше, тени под топодем стали короче, и лёгкий ветер шевелил траву, будто подсказывал, где лучше зарыть тайну. Соня остановилась, окинула взглядом двор, потом посмотрела на Софу.

— У старого тополя, с западной стороны. Там земля мягче, и корни не мешают. Помнишь, мы там в прошлом году червей копали?

— Помню, — кивнула Софа, уже приседая и раздвигая высокую траву руками. — Здесь?

— Чуть левее. — Соня опустила на колени и провела пальцем по земле, очертив неровный квадрат. — Давай здесь.

Софа положила Тимофея рядом, прислонив его спиной к стволу тополя, чтобы он не мешался. Плюшевый пёс сидел, привалившись к шершавой коре, и его пуговичные глаза смотрели прямо на ямку — будто он тоже охранял их секрет от посторонних глаз.

Они копали по очереди: сначала Соня — палкой с заострённым концом, которую нашла тут же у забора; потом Софа — старой ложкой, прихваченной на кухне, пока никто не видел. Земля была влажной и податливой, пахла перегноем и корнями.

— Глубоко? — спросила Софа, вытирая лоб тыльной стороной ладони.

— Ещё немного, — ответила Соня, отбрасывая горсть земли. — Чтобы никто случайно не наткнулся.

Она опустила банку в яму, присыпала её первой горстью, потом второй, а затем они вместе заровняли место ладонями и примяли сверху травой.

— Всё, — сказала Соня, отряхивая руки. — Теперь она здесь. Навсегда.

— Или пока мы не вырастем и не вернёмся, — тихо добавила Софа и посмотрела на тополь, чьи ветви шелестели над ними, словно запоминая это место.

Они посидели ещё немного в траве, молча, прислушиваясь к утреннему гулу города за заборами, к стрекоту кузнечиков и далёкому лаю собак. Солнце припекало уже совсем полетнему, и Софа сняла очки, протёрла их подолом футболки.

Соня положила ладонь на то место, где под землёй лежала их банка, и прошептала:

— Если кто-то найдёт — пусть ему повезёт. А если никто не найдёт — ничего страшного. Мы сами найдём. Когда вырастем.

Они посмотрели друг на друга. Слово «вырастем» прозвучало странно — как будто это случится не скоро, очень не скоро, почти никогда. Сейчас им было десять и девять, и будущее казалось бесконечным, как это июльское утро.

Софа протянула ей руку, и Соня, улыбнувшись, схватилась за неё и встала. Тимофей болтался у Софы под мышкой, свесив лохматую голову, и его пуговичные глаза смотрели на закопанное место — будто он тоже хранил их общий секрет.

— А теперь нужна карта, — сказала Софа. — Чтобы найти клад.

— Карта — это идея, — кивнула Соня.

Карту решили рисовать мелом на асфальте. Во дворе Сониного дома был кусок ровного асфальта — старый, в трещинах, из которых лезла трава, но для карты вполне подходил. Соня нашла в гараже папины мелки — белый, жёлтый и красный — и принялась чертить.

— Здесь будет наша улица, — сказала она, проводя длинную прямую белым мелком от края до края асфальта. — Улица Чехова. Она начинается у церкви, — она поставила точку с крестиком на одном конце, — и упирается в пустырь, — она поставила точку с другой стороны.

— А где мы? — спросила Софа, приседая на корточки рядом.

— Мы здесь, — Соня нарисовала квадрат жёлтым мелком и подписала «ДОМ 17». — А твой — дальше, — она отсчитала три квадратика вправо и нарисовала ещё один квадрат белым мелком. — Вот. Через три дома.

— А баба Галя? — спросила Софа.

— Она ближе к церкви, — Соня нарисовала жёлтый квадратик-домик, отсчитав ещё два квадратика влево. — Вот её дом.

— А тополь? — напомнила Софа.

— На углу, — белым мелком Соня нарисовала перекрёсток — улица Чехова и переулок Жуковского. На углу — большой жёлтым круг. А рядом с ним — красную звёздочку. — Здесь. Тут клад.

Карта получилась пёстрой, детской, похожей на схемы из пиратских фильмов. К ней начали стекаться зрители.

Первым пришёл Лёшка.

Лёшке было семь лет, он жил через два дома от Сони, в сторону церкви, в сером доме с резными наличниками. Был он пухлым, с вечно мокрыми глазами и привычкой плакать по любому поводу. Сейчас он не плакал — он стоял, опустив голову, и смотрел на карту.

— Вы клад ищете? — спросил он с надеждой. — Можно с вами?

— Только не ной, — предупредила Соня.

— Я не буду.

— Ты всегда говоришь, что не будешь, а потом ноешь.

— А вот и не буду! — Лёшкины глаза уже начали блестеть.

— Ладно, оставайся, — сказала Софа, сжалившись. — Только если заплачешь — уходишь.

Лёшка радостно кивнул, присел на корточки и начал внимательно изучать карту, шевеля губами, будто читал надписи вслух, но без звука.

Следующей пришла Вика.

Вике было одиннадцать, она была высокой, худой, с вечно растрёпанными волосами и неистребимой привычкой кататься на роликах даже по гравию. Жила она в соседнем переулке Жуковского, в двухэтажном кирпичном доме, и часто прикатывала на улицу Чехова, потому что там было больше места для разгона.

Сейчас она подкатила с шумом, резко затормозила, подняв облако пыли, и окинула карту снисходительным взглядом.

— Что это? — спросила она.

— Клад, — ответила Софа. — Мы закопали.

— Настоящий?

— Настоящий, — твёрдо сказала Соня. — Значок, ключ и записка.

Вика фыркнула. Она всегда фыркала, когда считала что-то слишком детским. А всё, что делали младшие, она считала слишком детским.

— Вы ведёте себя как малышня, — сказала Вика. — Клады, карты мелом... Это глупо.

— А тебя никто не звал, — резко ответила Соня.

— Меня и не нужно звать. Я сама прихожу и сама ухожу.

Вика развернулась на роликах, эффектно (ей казалось) взмахнула волосами и укатила прочь, громко стуча колёсами по асфальту. У забора она споткнулась, чуть не упала, но удержалась и покатила дальше — обиженная, гордая, одиннадцатилетняя.

— Вот противная, — сказал Лёшка.

— Забудь, — сказала Соня. — Она просто завидует, что у нас есть клад, а у неё нет.

— А у нас правда есть клад? — спросил Лёшка с надеждой.

— Правда. Пошли искать.

Игра в кладоискателей длилась полтора часа. По правилам, которые придумала Софа, нужно было пройти по карте, выполнить «задания» (допрыгать на одной ноге до гаража, три раза обойти яблоню во дворе Сониного дома, загадать желание и громко его сказать — Лёшка пожелал «много мороженого»), а потом идти к тополю и копать.

Копали руками, палками, острой железкой. Софа обо что-то царапнула палец, всхлипла, но быстро успокоилась. Лёшка нашёл в земле дождевого червя и завопил, но не заплакал — Соня была довольна.

Ямка расширялась. Солнце поднималось выше, тень от тополя становилась короче. Пот градом катился по лицам, смешиваясь с землёй, оставляя грязные полосы.

— Нашли! — закричал вдруг Лёшка. — Смотрите!

Он вытащил из земли что-то маленькое, тёмное. Соня выхватила у него находку — это оказалась старая монета. Медная, стёртая, с едва различимым гербом и цифрами по краям. Год почти не читался — только последние две цифры: «...79».

— Это не наш клад, — разочарованно сказала Софа.

— Но это тоже клад, — возразила Соня. — Раньше здесь жили другие люди. Они потеряли монету. И мы её нашли.

— И что с ней делать?

Соня посмотрела на Лёшку. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и смотрел на монету так будто это было настоящее золото.

— Держи, — сказала она, протягивая монету ему. — Это твоя находка. Ты её и храни.

Лёшка не поверил. Посмотрел на монету, на Соню, снова на монету.

— Правда?

— Правда.

Он взял монету — осторожно, двумя пальцами, будто она могла рассыпаться. Повертел, поднёс к глазам, понюхал. Потом крепко сжал в кулаке и спрятал в карман шорт.

— Спасибо, — сказал он, и голос его был серьёзным, почти взрослым. — Я её никогда не потеряю.

Соня улыбнулась.

Они копали дальше, пока палец Лёшки не наткнулся на что-то твёрдое.

— Есть! — крикнул он.

Это была их банка — жестяная из-под чая. Софа вытащила её, достала значок, ключ и записку.

— Ничего себе, — сказал Лёшка с таким выражением, будто они нашли не ржавые железки, а настоящее золото. — Настоящий клад!

— Он и есть настоящий, — сказала Соня, пряча улыбку. — Мы сами его закопали. А теперь сами нашли.

— А можно мне значок? — спросил Лёшка.

— Нет, — твёрдо сказала Софа. — Это наш. Сонин.

— Просто посмотреть можно?

Соня протянула ему значок. Лёшка с благоговением повертел его в пальцах, потрогал стёртую красную звезду и вернул обратно.

— Круто, — сказал он. — А возьмете меня с собой, когда ещё будете искать клады?

— Возьмём, — сказала Софа. — Если перестанешь ныть.

Лёшка выпрямился, важно надул щёки и твёрдо кивнул:

— Я постараюсь. Честное слово.

Они сидели втроем под яблоней — грязные, потные, уставшие — и смотрели на жестяную банку, в которой лежал значок, ключ и записка. Соню охватило странное, щемящее чувство — будто они сделали что-то важное, что останется после них. Как след на земле.

— погоди, — сказала Софа, когда Соня уже собралась закрывать банку. — Дай я ещё кое-что добавлю.

Она достала из банки сложенную записку, развернула её и дорисовала рядом с двумя рожицами третью — круглую, с большим животом. Снизу подписала: «Кладоискатели. Июль 2026».

— Теперь всё, — сказала она. — Когда вырастем, найдём и вспомним.

Соня закрыла крышку и опустила банку в ямку. Вместе присыпали землёй, примяли сверху ладонями. Соня нашла плоский камень и положила сверху — как метку, чтобы знать, где копать через много лет.

— Готово, — сказала она, отряхивая руки.

Лёшка захлопал в ладоши.

Вдалеке, на улице Чехова, прозвенел колокольчик — это приехал велосипедист с мороженым.

— Я угощаю, — сказала Соня, доставая из кармана смятую сотню, оставшуюся с прошлого похода в магазин. — За успешный квест.

— Ура! — закричал Лёшка и первым рванул к велосипедисту.

Они побежали к велосипедисту, подпрыгивая, обгоняя друг друга. Шарик, рыжий соседский пёс, поднял голову, посмотрел на них сонными глазами и снова уронил морду на лапы. Хвост его еле заметно вильнул.

Глава 4.1.

Соня сидела на подоконнике, поджав под себя ноги, и смотрела в окно. Кухонное окно выходило на улицу — туда, где в сумерках уже зажигались жёлтые огни в окнах соседских домов, где за заборами лаяли собаки, а по тротуару, мимо Сониной калитки, ходила Софа.

Она была одна. Светлая голова мелькала то у старого тополя, то возвращалась назад, к тому месту, где забор кончался и начинался пустырь. Плюшевый пёс Тимофей болтался у неё под мышкой, свесив лохматую голову, и казалось, что она держит его не для того, чтобы он был с ней, а чтобы ей было за кого держаться. Каждый раз, когда она доходила до калитки, она замедляла шаг, будто хотела зайти, но в последний момент проходила мимо и шла обратно к тополю.

Соня смотрела на неё и чувствовала что-то щемящее, тёплое и горьковатое одновременно. Она знала, что у Софы нет папы. Знала, что мама Ира работает допоздна. А по средам и субботам, когда мама уходила на ночную смену, Софа оставалась дома совсем одна.

— Мам, — сказала Соня, не оборачиваясь. — А можно Софа к нам на ужин придёт?

За её спиной, на кухне, мама Оля замешивала тесто для блинов. Соня слышала, как венчик мягко поскрипывает о стенки миски, как мука шуршит, высыпаясь из пакета, как молоко плещется, смешиваясь с яйцами. Она любила этот звук — ровный, домашний, из тех, что не замечаешь, пока не прислушаешься специально.

— Она опять одна? — спросила мама.

Соня не видела её лица, но знала этот голос — спокойный, без лишней жалости, будто мама просто проверяла факт.

— Да, — ответила Соня. — У неё мама на работе.

Мама подошла к окну, встала рядом, тоже посмотрела на улицу. На Софу, которая в этот момент снова дошла до калитки и остановилась, переминаясь с ноги на ногу, будто не зная, что делать со своим вечером.

— Конечно, пусть приходит, — сказала мама. — Беги зови. И пусть руки помое.

Соня спрыгнула с подоконника, пронеслась в прихожую, чуть не налетев на папины ботинки, которые всегда стояли у порога — тяжёлые, чёрные.

— Софа! — крикнула Соня, выбегая на крыльцо. — Иди к нам! Будем блины есть!

Софа подняла голову. Очки съехали набок — она смотрела сквозь них так, будто мир разделился на две половинки: чёткую, через стекло, и размытую, мимо. Светлые волосы, спутанные ветром, падали на лицо.

— Правда? — переспросила Софа. — А твоя мама не будет ругаться?

— Будет, если не придёшь. Пошли.

Софа переступила порог, и доски крыльца скрипнули под её кедами. На секунду она замерла, втянула носом воздух.

В доме пахло так, как пахнут дома, где живут семьями. Жареным луком, старыми половниками, нагретой пылью от радиаторов и чем-то сладким — ванилью или корицей. Софа остановилась, привыкая. У них дома пахло по-другому: кофе, лаком для волос, бумагой для принтера — вещами, которые принадлежали скорее работе, чем дому.

— Разувайся, — сказала Соня, скидывая сандалии в угол. — И мой руки. Мама сказала.

Софа послушно стянула кеды, поставила их рядом с Сониными сандалиями и пошла за Соней в ванную. Комнатка была маленькой, с кафельным полом и старой раковиной, над которой висело застиранное полотенце. Соня показала, где мыло. Софа намылила руки, долго тёрла ладонями, смыла воду и вытерлась.

— Готово, — сказала она.

Соня заглянула на её ладони — розовые, влажные, чистые.

— Идём, — сказала она.

Они прошли на кухню. Кухня у Сони была маленькой, но уютной — такой, где каждый предмет стоял на своём месте, потому что другого места для него просто не было. В углу у окна стоял старый крепкий стол, накрытый чистой клеёнкой. Вокруг — три табуретки, все разной высоты, и Соня привыкла садиться на ту, что стояла ближе к плите: на ней было удобнее всего, и она не скрипела. Вдоль стены — буфет с треснувшим стеклом. Мама говорила, что он достался от бабушки, и менять его она не собиралась, даже если стекло когда-нибудь выпадет совсем. Рядом стоял старенький холодильник с округлой крышкой, который гудел ровно и исправно. А на плите с шипением подрумянивались блины.

Мама Оля стояла у плиты, переворачивая их лопаточкой. Сковородка шипела, масло стреляло в стороны, оставляя на фартуке жирные точки.

— Здравствуй, Софа, — сказала мама Оля, не оборачиваясь. — Садись. Сейчас будем есть.

— Здравствуйте, — тихо ответила Софа, садясь на табуретку.

Соня села напротив. На столе стояла тарелка с маслом, розетка со сметаной и банка с вареньем — чёрносмородиновым, кислым, таким тёмным, что казалось почти чёрным. Папа Паша ел его ложками, приговаривая: «Кислое — полезное». Соня не любила, но сейчас, глядя на Софу, подумала, что, может быть, сегодня попробует.

— Ты варенье будешь? — спросила она.

— Не знаю, — ответила Софа. — Я его не пробовала.

Соня удивилась. Она не могла представить, чтобы у кого-то дома не было варенья. В их доме варенье всегда стояло в кладовке — банки с малиновым, смородиновым, клубничным. Мама варила его каждое лето, и Соня привыкла, что варенье — это норма.

— Как это — не пробовала? — не поняла она.

Софа пожала плечами. Дома они редко делали варенье — мама Ира покупала джем в магазине, в аккуратных баночках с этикетками. Домашнее варенье казалось Софе чем-то из другой жизни — старомодной, деревенской, где пахнет дымом и печёными яблоками.

— Вот и попробуешь, — сказала мама Оля, ставя на стол горку блинов. Блины были толстыми, румяными, с дырочками, сквозь которые сочился пар. — Ешьте, пока горячие.

Первый блин Софа съела со сметаной. Второй — просто с маслом. Третий — с вареньем, и от неожиданности даже приоткрыла рот. Варенье было кислым, густым, с целыми ягодами, которые лопались на языке.

— Вкусно, — сказала она. — Очень.

— Конечно, вкусно, — мама Оля села на свободный стул, пододвинула к себе два блина. — Я из детства рецепт помню. Моя бабушка так пекла. А ей — её бабушка.

— А где они сейчас? — спросила Софа.

Мама Оля помолчала. Соня видела, как её пальцы на секунду замерли над тарелкой. Потом она сказала просто:

— Умерли. Все уже.

Тишина повисла над столом. Только сковородка ещё шипела на плите, остывая.

Софа опустила глаза. Она не умела разговаривать про смерть — дома эта тема не поднималась.

— А моя бабушка тоже умерла, — тихо сказала она. — Я её не помню.

Соня смотрела на неё. Софа сидела, опустив голову, и водила пальцем по краю тарелки, как будто рисовала невидимый круг.

Мама Оля посмотрела на Софу. Помолчала. Потом сказала:

— Ты её не помнишь, но твоя мама помнит. Она тебе про неё рассказывала. Значит, бабушка живёт и в тебе — через мамины рассказы, через то, что ты о ней слышала.

Софа подняла глаза. В них было что-то, чего Соня раньше не видела — не грусть, не надежда, а просто... тишина. Как будто внутри Софы что-то встало на место.

Соня смотрела на них, на маму, на Софу, и молчала. Ей нравилось, когда мама была такой — не деловитой, не озабоченной, не заведённым механизмом, который с утра до вечера что-то делает, убирает, гладит, проверяет уроки, готовит ужин. А просто — живой, тёплой, с морщинками вокруг глаз, которые становились глубже, когда она улыбалась.

Соня посмотрела на мамину шею. Под фартуком, на тонкой цепочке, блеснул крестик — тот самый, который она сама носила, не снимая, но никогда не задумывалась о нём. Мама говорила, его надела ей крёстная при крещении, когда Соне было всего несколько месяцев. Он был маленьким, почти незаметным, но всегда тёплым от тела. Соня вдруг подумала о том, что этот крестик — как мамины рассказы о бабушке. Тоже невидимая связь с теми, кого нет рядом.

— Мам, — сказала Соня. — А можно Софа останется у нас ночевать?

— Не сегодня, — ответила мама. — Надо у Иры спросить. И вообще — вы с утра не собирались, а вечером уже ночевать. В выходные, если Ира разрешит, то пожалуйста.

Софа кивнула. Она не показала, что расстроилась, но Соня почувствовала — по тому, как Софа сжала плечи, по тому, как её пальцы на секунду замерли на краю тарелки.

Соня знала, что сегодня она опять будет одна. В доме, где на кухне капает кран, словно кто-то считает время до её сна. Где за окнами — чёрная, густая темень, а в кустах сирени у забора то и дело шуршит что-то невидимое. Софа знала, что там никого нет. Но знала и другое: когда ты одна, это не имеет значения.

— Спасибо за блины, — сказала Софа вежливо. — Очень вкусно.

— Кушай на здоровье, — ответила мама Оля. — Приходи ещё. Всегда рады.

После ужина девочки вышли во двор. Солнце уже не стояло в зените — оно клонилось к западу, окрашивая всё вокруг в жёлто-розовые тона. Тени от заборов вытянулись, стали

длинными и худыми, как цапли. Воздух стал прохладнее, и Соня почувствовала, как вечерняя сырость оседает на коже.

— Твоя мама добрая, — сказала Софа.

— Бывает, — ответила Соня. — А иногда орёт.

— Моя тоже орёт. Но редко. Она больше молчит.

Они сели на лавочку у крыльца Сониного дома. Софа положила голову Соне на плечо. Тимофей лежал у ног, похожий на выброшенную мочалку — свалявшийся, с оторванным ухом, грязный.

— А у тебя папа какой? — спросила Софа. — Он всегда молчит?

— Он устаёт, — сказала Соня. — На заводе работает.

— А почему он с тобой не разговаривает?

— Разговаривает. Просто мало.

Софа подумала. Ей было трудно представить отца — живого, настоящего, который сидит за одним столом и молча пьёт чай из блюдца. У неё отца не было. Был какой-то мужчина на старой фотографии. Мамина знакомая говорила, что Софа похожа на него, но Софа не видела сходства.

— А ты скучаешь по нему? Когда он на работе?

— Нет, — честно сказала Соня. — Он же вечером приходит.

— А вот я по-своему... — Софа запнулась. — Некому скучать.

Соня посмотрела на неё. Софины очки запотели от вечерней прохлады.

— А ты можешь скучать, по-моему, — сказала Соня. — Если хочешь.

Софа подняла голову. Улыбнулась. Очки съехали на самый кончик носа, и Соня вдруг поняла, что без них Софино лицо кажется совсем маленьким и беззащитным.

— Твой папа хороший, — сказала Софа. — Я по нему поскучаю.

Соня засмеялась. Софа засмеялась следом. Смех их разлетелся по двору, пугая ворон на тополях, заставляя Шарика поднять голову и недоумённо залаять.

А в окне Сониного дома горел свет. Мама Оля мыла посуду, вытирала стол, убирала крошки. Она улыбалась, поглядывая на девочек, и думала о том, как хорошо, что у Сони появилась подруга. О том, что эта дружба может продлиться долго.

Глава 5.1.

Приглашение пришло так же неожиданно, как и в прошлый раз, только теперь роли поменялись. Софа позвонила в дверь Сониного дома в субботу после обеда, держа в руках ключ от дома на резинке, болтающийся на шее, и плюшевого пса Тимофея под мышкой. Светлые волосы, ещё влажные после душа, торчали в разные стороны, а на носу, как всегда, сидели очки, чуть съехавшие набок.

— Мама сказала, можно приходить! — выпалила она, едва Соня открыла дверь, и переступила порог, не дожидаясь приглашения. — Она заказала пиццу. Две. С разными начинками! Одну с пепперони, другую с грибами и сыром.

Она говорила так быстро, что Соня не сразу поняла половину. Тимофей болтался у неё под мышкой, свесив лохматую голову, и казалось, что Софа прибежала не с игрушкой, а с талисманом, без которого нельзя.

Соня присвистнула, нагибаясь, чтобы застегнуть сандалию. Коса упала на плечо, и она небрежно откинула её назад.

— А тётя Ира будет с нами? — спросила Соня, обуваясь.

— Нет, она работает. Но она обещала не стучать по клавиатуре слишком громко.

Соня фыркнула. Ей было трудно представить, как это — работать дома, когда в соседней комнате кто-то есть. У них дома мама Оля работала в школе, и работа всегда оставалась за

порогом — там, где проверочные, журналы, родительские собрания. А папа Паша уходил на завод и возвращался вечером, пахнущий железом.

У Софы всё было иначе.

Они вышли во двор, и солнце ударило в лицо. Суббота была жаркой, безветренной, с небом, выцветшим до белого, и воздухом, который дрожал над асфальтом, как кисель. В траве у самого крыльца монотонно стрекотал кузнечик — и этот звук был таким ровным, что казался частью тишины, а не её нарушением.

Софа шла впереди, придерживая Тимофея, чтобы он не болтался. Она оглянулась через плечо, улыбнулась. На ней была любимая зелёная футболка с динозавром, который держал в лапах табличку «Я люблю маму».

Двор у Софы был другим. Не таким, как у Сони, где посередине росла яблоня, а у забора валялись папины инструменты. Здесь всё было аккуратным: дорожки выложены плиткой, вдоль забора — густая сирень, а у самого дома — маленькая беседка, увитая диким виноградом. Качели стояли в углу, старые, деревянные, но цепи их были смазаны машинным маслом, и они висели беззвучно, как спящие птицы. Никто не лаял, никто не бегал по траве. Двор был пустым и неподвижным, будто ждал, когда в нём появится кто-то живой.

Софа толкнула калитку, и та бесшумно распахнулась.

Соня вошла во двор, оглядываясь. Всё здесь казалось другим — не как у них дома. Чистым, выверенным, без случайных вещей, забытых на траве.

— Мам, мы пришли! — крикнула Софа.

Из глубины дома донеслось:

— Заходите, детки. Пицца уже на подходе.

Мама Ира сидела за кухонным столом, сгорбившись над ноутбуком. На ней был старый свитер, хотя на улице стоял июль, и домашние штаны в цветочек. Волосы она собрала в небрежный пучок, но несколько прядей выбились и падали на лицо, когда она наклонялась к экрану. Под глазами — синева, но не та, что бывает после бессонницы, а та, что становится привычной, когда спишь по четыре часа уже несколько лет подряд.

Она подняла голову, и Соня заметила, как быстро, почти по привычке, мама Ира улыбнулась. Это была та самая улыбка, которую она, наверное, включала для клиентов, для заказчиков, для всех, кому нужно было показать, что у неё всё в порядке. Соня вдруг поняла, что мама Ира никогда не улыбалась по-настоящему при ней — только так, по привычке.

— Здравствуйте, — сказала Соня вежливо, переступая порог и останавливаясь в дверях.

— Привет, Соня. Заходи, не стой в дверях. Я слышала, вы клад закапывали? Софа мне всё уши прожужжала.

Соня улыбнулась в ответ, чувствуя тепло — мама Ира помнила. Она переступила порог, прошла на кухню и села на краешек стула.

— Да, — сказала она. — Значок, ключ и записку.

— Класс. — Ира откинулась на спинку стула. — Я в детстве тоже закапывала. Но ничего не нашла потом, когда выросла. Зато нашла старый пятак под половицей.

— А что с ним стало? — спросила Софа, хотя слышала эту историю уже сто раз. Она сбросила кеды у порога, даже не поставив их аккуратно, и забралась с ногами на соседний стул.

— Потеряла. — Ира пожала плечами, и в этом жесте была такая лёгкость, будто она говорила не о вещи, а о чём-то давно отпущенном. — Где-то потеряла. Всё теряется, девочки. Всё теряется.

Она вернулась к ноутбуку. Пальцы застучали по клавиатуре — быстро, нервно, словно отбивали азбуку Морзе.

— Идите в комнату, — сказала она, не поднимая головы. — Я позову, когда пицца будет.

— Уже скоро? — оживилась Софа, спрыгивая со стула.

— Заказала полчаса назад. Должна быть с минуты на минуту.

Софа схватила Соню за руку и потащила в коридор, прижимая к себе Тимофея.

— Пойдём, покажу тебе монстра, которого я вчера дорисовала! — крикнула она через плечо, и голос её звенел от возбуждения. — У него теперь шесть глаз и хвост с шипами!

Комната Софы выглядела так же, как в прошлый раз: всё те же карандаши на полу, те же рисунки на стенах, приклеенные скотчем. Соня уже привыкла к этому беспорядку и находила в нём что-то уютное — как в гнезде, где каждая вещь лежит не на своём месте, но на своём. Единственное, что бросалось в глаза, — натюрморт с вазой и яблоками, который висел над кроватью и казался чужим среди монстров и пришельцев.

— У тебя здесь как в норе, — сказала Соня, усаживаясь на кровать и пододвигая к себе Тимофея. Она провела пальцем по тому месту, где когда-то было ухо и остался только неровный шов.

— Мама говорит — бардак, — ответила Софа, ложась на пол и глядя в потолок. — Но я знаю, где что лежит. Почти. Иногда.

Она протянула руку, не глядя, и вытащила из-под кровати красный фломастер.

— Видишь? — улыбнулась она, помахав им в воздухе.

Соня усмехнулась:

— Ты просто привыкла к своему беспорядку.

— Это не беспорядок, — возразила Софа, садясь и вертя фломастер в пальцах. — Это система. Просто она не для всех. Хочешь посмотреть мультик? У меня на планшете.

— Давай.

Софа достала планшет из-под подушки — там же лежал фонарик, старая заколка и несколько конфетных фантиков, — и включила мультик про робота, который искал своего создателя. Но Соня заметила, что Софа смотрит не на экран, а куда-то в сторону, на стену, где висели её рисунки. Её пальцы замерли на краю планшета.

— Ты чего? — спросила Соня, приподнимаясь на локте.

Софа вздрогнула, будто её застали врасплох, и поспешно уставилась в экран.

— Так, — ответила она, но голос её дрогнул. — Я тут вчера один комикс читала. Про страшное. Тебе показать?

Соня почувствовала, как по спине пробежал холодок, и поёжилась.

— Страшное? Какое?

— Не очень страшное, — Софа пожала плечами, и Соня заметила, как подруга крепче сжала планшет. — Там девочка одна пошла в лес и заблудилась. А потом...

— Не надо, — перебила Соня. Она села прямо, обхватив колени руками. — Давай лучше что-нибудь весёлое.

— Хорошо, — ответила Софа и переключила мультик. Она улыбнулась, но улыбка вышла натянутой, и Соня поняла: подруга всё ещё думает о том комиксе.

Через какое-то время послышался звон в дверь. Мама Ира открыла дверь, забрала у курьера две коробки — одну с пепперони, другую с грибами и сыром — и поставила на кухонный стол, сдвинув в сторону стопку бумаг.

— Ешьте, — сказала она, садясь на место и снова открывая ноутбук. — Я на минуточку.

Минуточка растянулась на час. Девочки ели пиццу, сидя на полу, прямо на высокобленных досках, не заботясь о крошках. Смотрели мультик про котёнка, который искал маму. Рисовали новых монстров. Софа нарисовала существо с множеством глаз — по одному на каждый палец. Соня дорисовала ему хвост и усы.

— Страшный, — сказала Софа, разглядывая результат, и довольно кивнула. — Мне нравится.

— А чего ты рисуешь только страшное? — спросила Соня, откусывая кусок пепперони.

Софа задумалась. Очки съехали на кончик носа — она поправила их привычным жестом, большим пальцем за переносицу, и на секунду замерла, глядя на свой рисунок.

— Не знаю, — сказала она, вертя карандаш в пальцах. — Просто... страшное интереснее. С ним можно дружить. Если его не бояться.

— А ты не боишься?

— Немного. — Софа перевела взгляд на Соню, и в глазах её мелькнула серьёзность, которую Соня редко видела. — Но, если ты рисуешь монстра, он уже не может тебя съесть. Он становится бумажным. А бумажные не страшные.

Соня подумала, что в этом есть своя логика. Странная, Софина логика — но логика.

Они доели пиццу, и Соня почувствовала, как живот стал круглым и тяжёлым. Она откинулась на спинку стула, глядя на потолок, где медленно кружилась муха.

К девяти часам мама Ира закрыла ноутбук, потянулась, хрустнув позвоночником, и объявила:

— Всё. Я на ночную смену, — сказала Ира, уже натягивая лёгкую куртку. — Софа, ты знаешь правила.

— Знаю, — тихо ответила Софа, и голос её дрогнул. Она стояла у стола, сжимая в руках пустую тарелку.

— Дверь не открывай. Чайник не включай. Сладкого много не ешь. — мама Ира перевела взгляд на Соню. — Соня, тебя проводить домой?

— Она остаётся, — быстро сказала Софа, и в голосе её послышалась мольба. Она шагнула вперёд, прижимая тарелку к груди. — Можно?

Соня моргнула, переводя взгляд с подруги на маму Иру. Она уже собралась было сказать, что дойдёт сама, но увидела, как Софа сжала пальцы на краю тарелки так, что побелели костяшки. И передумала.

— Можно, — ответила мама Ира, собирая сумку. — Только позвоните родителям, чтобы не волновались. Ещё переоденься во что-нибудь моё, — бросила она Соне, уже открывая шкаф. — И щётку возьми, у нас есть запасная.

Ира подошла к Софе, поправила ей очки, улыбнулась.

— Теперь ты не одна, — сказала она, глядя на Соню. — А в конце августа мы уедем отдыхать. Ты и я. Море. Никакой работы. Потерпи немного. Хорошо?

Софа кивнула.

— Вот и хорошо.

Она поцеловала Софу в макушку и вышла.

Соня позвонила. Мама Оля ответила не сразу — она была в душе, трубку взял папа Паша. Голос его был коротким, как всегда.

— Ночуешь у Софы?

— Да.

— Ладно. Завтра чтобы была дома к обеду.

— Хорошо.

Папа повесил трубку, даже не спросив, всё ли в порядке. Соня вздохнула, глядя на погасший экран. Она не удивилась. Папа всегда был таким — немногословным, скупым на вопросы. Это не значило, что он не волнуется. Просто он умел волноваться молча.

Мама Ира уже стояла в дверях, накинув на плечи тонкую куртку. Ночи были прохладными, а шла она пешком через весь город.

— Ведите себя хорошо, — сказала она и улыбнулась — той усталой, виноватой улыбкой, которая означала: прости, что я не с тобой.

Дверь закрылась. Замок щёлкнул. Шаги затихли в темноте за окном.

Софа осталась одна.

Соня — с ней.

Ночь наступила не сразу. Сначала были посиделки на кухне — они допили компот, который мама Ира сварила накануне, яблочный, с корицей. Он остыл и стал терпким и густым, и Соня пила его маленькими глотками, чувствуя, как тепло разливается по телу. Съели печенье — «Юбилейное», старое, размокшее, которое давно лежало в вазочке и впитало в себя запах кухни. Помыли посуду. Софа мыла, Соня вытирала, и вода в раковине шумела ровно, успокаивающе. Они переговаривались через плечо, передавая друг другу тарелки, и их голоса звучали приглушённо, будто они боялись нарушить тишину дома.

Потом были игры в слова, и Софа всё время выигрывала, потому что знала больше длинных, трудных слов, которые Соня слышала впервые. Она хмурилась, когда Соня ошибалась, и радостно скидывала руки, когда та сдавалась. Переодевание в пижамы и чистка зубов.

А потом наступила тишина.

Она пришла не постепенно, не с шорохами и вздохами — она просто опустилась на дом, как одеяло, тяжёлое и плотное, и Соня почувствовала, как воздух в комнате стал другим. Гуще. Словно тишина имела вес.

Соня лежала на раскладном диване, который мама Ира разложила перед уходом. Плед пах Софой — молоком и солнцем, тем самым, что оставалось после долгих летних прогулок. Софа лежала на своей кровати, в двух шагах, сжимая в руках Тимофея. Свет от уличного фонаря, пробиваясь сквозь неплотно задёрнутые шторы, падал на пол жёлтой, дрожащей полосой.

За окном было тихо. Слишком тихо.

— Сонь, — тихо сказала Софа. — Ты спишь?

— Нет.

— А чего не спишь?

— Боюсь.

Софа помолчала. Потом села на кровати, свесила ноги — босые, с ободранными пальцами — и посмотрела на Соню. Очки она сняла, и без них её лицо казалось маленьким, испуганным, совсем детским.

— Чего боишься?

— Темноты, — призналась Соня. Она повернулась на бок, глядя на подругу в тусклом свете ночника. — Я же говорила.

— А я боюсь звуков, — сказала Софа, и голос её дрожал. Она обхватила руками колени, прижала Тимофея к груди. — Знаешь, как здесь страшно, когда мама на смене? В доме тихо, но это не настоящая тишина. Слышно, как половицы скрипят сами по себе. Как трубы стучат. Как ветер хлопает ставнями — я знаю, что это просто ветер, но мне всё равно кажется, что кто-то ходит по двору. А иногда мне чудится, что за окном кто-то дышит. Прямо за стеклом.

Соня поёжилась под пледом и подтянула его к подбородку.

— Дышит?

— Не знаю. Может быть, просто ветер в кустах сирени. — Софа говорила шёпотом, будто боялась, что её услышат. — Но когда ты одна и на кухне капает кран — кап, кап, кап, словно кто-то считает время до твоего сна, — начинаешь слышать то, чего на самом деле нет.

Они замолчали. За стеной что-то щёлкнуло — может быть, холодильник, может быть, водонагреватель. Софа вздрогнула, вцепилась в Тимофея.

— Давай включим свет? — предложила Соня.

— Мама не разрешает. Говорит, неэкономно.

— А мы маленький. Ночник.

Софа помедлила, потом кивнула — резко, будто приняла решение. Наклонилась к тумбочке и щёлкнула выключателем. Настольная лампа с зелёным абажуром в виде черепахи зажглась тускло, тепло. Комната сразу стала другой — мягкой, почти уютной.

— Расскажи что-нибудь, — попросила Софа, снова забираясь под одеяло и подтягивая колени к груди. Она прижала Тимофея к животу и повернулась на бок, лицом к Соне. — Весёлое.

— Я не умею рассказывать, — призналась Соня. Она тоже повернулась на бок, лицом к Софе, и подложила руку под голову. — У меня все истории грустные или глупые.

— Ну... что-нибудь про тебя. Что тебе нравится.

Соня подумала. Фонарик под подушкой, который папа подарил на день рождения. Папин взгляд, когда он смотрит на неё после работы. Вкус первых блинов, когда они ещё горячие, и масло тает на языке. И лес на горизонте. Тот самый, за полем.

— Мне нравится лето, — сказала она. — Что оно никогда не кончается.

— Кончится, — грустно сказала Софа. Она ткнулась носом в макушку Тимофея, голос стал глухим. — Всегда кончается.

— А мы не дадим.

Софа подняла голову и посмотрела на Соню. Улыбнулась — невесело, но светло.

— А ты хочешь в лес? — спросила она через минуту.

— В какой?

— В тот. За полем. Ты часто на него смотришь.

Соня задержала взгляд на тени от черепахи, которая шевелилась на потолке, будто живая. Лес манил — тихо, настойчиво, как секрет, который нельзя рассказать взрослым.

— Хочу, — сказала она. — А ты?

— Боюсь.

— Но хочешь?

Софа долго молчала. Гладила Тимофея, смотрела в стену. Соня видела, как она сжимает зубы, как в груди у неё что-то борется с чем-то.

— Хочу, — прошептала она наконец.

Соня протянула руку через узкий проход между диваном и кроватью. Софа взяла её, и пальцы у неё были прохладными, чуть влажными.

— Когда-нибудь сходим, — сказала Соня. — Не сейчас. Но когда-нибудь.

Софа кивнула, закрыла глаза и представила лес. Тёмный, зелёный, полный звуков и тайн. Ей было страшно. Ей было интересно. Она заснула с этой мыслью, всё ещё сжимая Сонину руку.

А черепаха на абажуре продолжала смотреть на них своими круглыми, стеклянными глазами.

Глава 6.1.

Утро воскресенья началось с того, что Соня вышла во двор и увидела Софу, сидящую на велосипеде. Не на своём — на том, старом, ржавом «Аисте», который принадлежал когда-то папе Паше, а потом перешёл к Соне, а теперь вот стоял посреди двора, сверкая лысой шиной и оторванным звонком.

— Ты что делаешь? — Соня откусила бутерброд и замерла с открытым ртом.

— Учусь, — буркнула Софа, даже не поднимая головы. Она сидела на велосипеде, вцепившись в руль. Очки съехали на самый кончик носа, волосы растрепались.

— На моём?

— Твой лучше, — Софа мотнула головой, отбрасывая прядь с лица. — У моего колесо спустило. Совсем. Как тряпка.

Соня подошла ближе. «Аист» действительно выглядел лучше Софиного складного «Школьника» — по крайней мере, у него были колёса и руль не болтался. Правда, сиденье было слишком высоким даже для Сони, а Софа до педалей вообще едва доставала кончиками пальцев.

— Ты упадёшь, — сказала Соня, жуя бутерброд и скептически разглядывая подругу.

— Упаду, — хмуро согласилась Софа и упрямо выпрямилась на сиденье. — Но научусь.

И она оттолкнулась. Велосипед вильнул, Софа закричала, сделала три метра и рухнула в куст сирени, который рос у калитки. Сирень была старой, колючей, и выбраться из неё оказалось непросто.

— Я же говорила, — Соня подавила улыбку, протягивая Софе руку, и принялась вытаскивать из её растрёпанных волос сухую ветку.

— Ничего, — Софа отряхнулась, поправила очки и с вызовом посмотрела на велосипед. — Второй раз получится лучше.

Второй раз получился не лучше. Третий — тоже. На четвёртый Софа проехала целых десять метров, но в конце вильнула не в ту сторону и врезалась в забор. Удар был несильным, но звонок, который и так держался на честном слове, отлетел и покатился в крапиву.

— Всё, — выдохнула Софа и плюхнулась на землю, раскинув руки. — Устала. Не умею.

— Умеешь, — Соня опустила на корточки рядом с ней. — Ты же десять метров проехала.

— А толку? — Софа повернула голову, очки сидели криво, стёкла в пыли. Из-под них глаза блестели — красные, не от слёз, от напряжения. — Я всё равно упала.

— Но не сразу, — возразила Соня. — А в прошлый раз сразу. Помнишь?

Софа села, подтянула колени к подбородку, уткнулась в них носом. Помолчала. Потом спросила, не поднимая головы:

— Ты думаешь, получится?

— Конечно. — Соня пожала плечами с лёгкостью, которой не чувствовала. — Моя мама говорит: всему можно научиться. Даже глупостям.

Софа подняла голову. Губы дрогнули:

— А это глупость?

— Нет. — Соня улыбнулась. — Это велосипед.

Они помолчали. Потом Соня подошла к велосипеду, опустила сиденье до упора — насколько хватило сил — и сказала:

— Давай ещё раз. Я буду держать.

Она держала. Сначала за руль, потом за сиденье, потом просто бежала рядом, готовая подхватить в любую секунду. Софа крутила педали, сопела, толкала велосипед вперёд, и он слушался — сначала плохо, потом лучше, потом почти хорошо.

— Не отпускай! — закричала Софа, вцепившись в руль. — Соня, не отпускай!

— Уже отпустила, — спокойно ответила Соня, остановившись в двух шагах.

Софа не поверила. Хотела оглянуться, но побоялась — если сейчас посмотрит, точно упадёт. Она просто крутила педали, смотрела вперёд и чувствовала, как ветер трогает её волосы.

— Я еду! — закричала она, и голос её сорвался на счастливый визг. — Соня, я еду!

— Вижу! — крикнула Соня в ответ и расхохоталась, глядя, как подруга, растрёпанная и счастливая, несётся по двору на её старом велосипеде.

Софа доехала до берёзы, развернулась (криво, чуть не свалившись) и поехала обратно. Теперь она улыбалась — широко, во весь рот, так что очки чуть не слетели с носа.

— Я научилась! — объявила она, лихо затормозив перед Соней. — Смотри!

Она сделала круг, другой, третий. Колесо левое чуть поскрипывало, цепь брэнчала, но велосипед ехал. И Софа на нём — растрёпанная, потная, с синяком на коленке и полная счастья.

— Молодец, — сказала Соня, и это было честно.

После обеда, когда жара спала, они поехали в магазин. Софа на своём «Аисте», Соня — на старом, но ещё бодром «Салют», который папа Паша привёз с работы и починил за один вечер.

Дорога до магазина была недолгой — через пустырь, мимо гаражей, потом вдоль забора школы. Но для Софы, которая только что научилась держать равновесие, каждый поворот казался приключением. Она боялась ям, кочек, собак (Шарик спал на солнце и даже не поднял головы), встречных машин (машин не было).

— Держись правее! — крикнула Соня, когда Софа вильнула к обочине.

— Держусь! — крикнула Софа в ответ и чуть не влетела в столб.

Магазин «Продукты» стоял на углу Чехова и Октябрьской — серое, облезлое здание с вывеской, на которой не хватало двух букв, так что читалось «ПРО УКТЫ». Внутри пахло хлебом, колбасой и стиральным порошком. За прилавком скучала продавщица тётя Зина — огромная, в цветастом халате, с вечной сигаретой за ухом.

— Здравствуйте, — поздоровалась Соня, протягивая деньги — две пятидесятки, смятые, из кармана шорт. — Две «Лакомки» и одно эскимо.

— А кому эскимо? — спросила тётя Зина, не двигаясь с места.

— Нам. — вздохнула Соня.

Тётя Зина охнула, слезла со стула, проковыляла к морозилке, достала мороженое. «Лакомки» были в шоколадной глазури — блестящие, холодные, с круглыми палочками. Эскимо — в синей обёртке с рисунком северного сияния.

— Девчонки, — сказала тётя Зина, подавая сдачу. — Вы не шляйтесь тут. Рядом лес — он опасный.

— Мы во дворе, — ответила Соня.

— Ага, — сказала тётя Зина и посмотрела на них так, будто не поверила.

Мороженое ели на лавочке у магазина. Софа откусывала «Лакомку» осторожно, маленькими кусочками, потому что у неё замерзли зубы. Соня ела быстро и сразу — откусила, прожевала, проглотила, прежде чем глазурь успела растаять на языке.

— Сонь, — сказала Софа, слизывая шоколад с пальцев. — А ты правда хочешь в лес?

Соня замерла. Мороженое уже текло по пальцам, но она даже не заметила — просто смотрела в ту сторону, где за полем чернела стена деревьев.

— Правда, — сказала она тихо. — А ты?

— Я боюсь, — призналась Софа и тяжело вздохнула. — Но... иногда мне кажется, что если мы туда не пойдём, то потом пожалеем.

Соня повернулась к ней:

— О чём?

— Ну, — Софа пожала плечами и зачем-то посмотрела на пустую обёртку от мороженого. — О том, что не сделали. Когда вырастем — будем сидеть на работе и думать: а что там было? В том лесу? Так и не узнали.

Соня посмотрела в сторону поля. Лес чернел на горизонте — тёмный, таинственный, манящий. Ей казалось, что он дышит. Что у него есть лёгкие, и сердце, и что он ждёт — кого-то, кто осмелится войти.

— Мы не можем туда пойти, — сказала Соня, и голос у неё стал серьёзным, почти взрослым. — Нас убьют родители.

— Не убьют, — Софа отмахнулась, даже не поднимая головы, и принялась выковыривать остатки шоколадной глазури из обёртки. — Мы скажем, что гуляли во дворе. Как обычно.

— А если узнают? — Соня прищурилась, глядя на подругу.

Софа наконец подняла глаза. Встретилась с Сониным взглядом — и вдруг улыбнулась, хитро и чуть виновато:

— А откуда?

Соня не ответила. Она доела мороженое, вытерла липкие пальцы об шорты и посмотрела на небо — яркое, синее, без единого облака. Будто само небо говорило: всё можно, всё позволено.

— Не сегодня, — сказала она тихо, и в голосе её не было уверенности. — Сегодня рано.

— А когда? — Софа пододвинулась ближе, заглянула ей в лицо.

Соня помолчала. Посмотрела в сторону поля. Лес чернел на горизонте — такой же, как всегда, тёмный, тихий, терпеливый.

— Когда-нибудь, — сказала она.

Софа кивнула. Она знала, что «когда-нибудь» может означать завтра, а может — никогда. Но от этого слова стало легче. Как будто они поставили себе цель, пусть и далёкую.

Домой возвращались другой дорогой — мимо заброшенного дома, к которому папа Паша не разрешает подходить, мимо пустыря с жёлтой, высохшей травой, мимо старых гаражей, на дверях которых кто-то нарисовал огромный череп.

— Смотри, — Софа показала рукой на железные ворота гаража. На них кто-то нарисовал огромный череп — грубо, ярко, но жутко.

— Страшный, — согласилась Соня, притормаживая.

— А мне нравится, — Софа улыбнулась. — Знаешь... я иногда думаю: а что, если мы с тобой — герои? Ну, как в книжках. Идём туда, куда другие боятся.

Соня усмехнулась, посмотрела на подругу:

— А мы идём?

Софа засмеялась, поправила очки, которые съехали от ветра:

— Пока нет. Но когда-нибудь.

Они поехали дальше. Велосипеды скрипели, цепь брэнчала, где-то лаяла собака. Соня чувствовала тепло — от солнца, от вкуса мороженого на липких губах, от Софиной улыбки. И ей казалось, что это лето никогда не кончится.

Глава 7.1.

Соня и Софа на соседней улице во дворе двухэтажного дома сидели на качелях — старых, облезлых, с цепями, которые звенели при каждом движении, как колокольчики. Софа держала в руках альбом и рисовала велосипед — тот самый, на котором она сегодня научилась ездить. Велосипед получался кривым, с квадратными колёсами, но это была не ошибка — это был стиль, как объясняла Софа.

— А теперь сделаю раму красной, — Софа перебрала карандаши, выбрала красный и довольно кивнула. — Красный велосипед быстрее.

— Это ерунда, — Соня лениво откинулась на качелях, отталкиваясь ногой от земли. — Цвет вообще не влияет на скорость.

— В моём мире влияет. — Софа подняла на неё глаза, и в них блеснула улыбка. — В моём мире всё влияет на всё.

Соня не стала спорить. Она смотрела на небо — на то место, где солнце встречалось с горизонтом, хотя до горизонта было ещё далеко. И вдруг ей показалось, что воздух изменился. Стал тяжелее, будто кто-то накрыл город невидимым одеялом.

— Софа, — Соня перестала раскачиваться и прислушалась. — Ты чувствуешь?

Софа подняла голову от альбома, поправила очки. Прислушалась.

— Что?

— Не знаю... — Соня повела плечом. — Как будто... давит. Воздух тяжёлый.

Софа огляделась. Всё было как обычно: дома, заборы, тополя, пыльная дорога. Но воздух действительно стал другим — влажным, густым, почти осязаемым.

— Может, дождь будет? — предположила Софа.

— Не похоже. Солнце же светит.

Оно светило. Но уже не так ярко — по краям неба начали собираться тучи, серые, плотные, похожие на вату, в которую кто-то замешал чернила. Сначала Соня подумала, что ей кажется. Но через пять минут тучи заполнили полнеба, а ещё через пять — всё небо.

— Надо идти домой, — сказала Соня, вставая с качелей.

— Успеем, — ответила Софа, закрывая альбом. — Мы же рядом.

Они не успели.

Гроза пришла неожиданно. Не как положено — с юга, с тучами и ветром, предвестниками беды. Она просто случилась. В три часа дня, когда небо было чистым, а солнце висело над городом, как огромный жёлтый глаз, не предвещающий ничего плохого.

Ветер налетел внезапно — шквалом, который сшиб с забора кепку соседа дяди Вити и погнал её по улице, как пережати-поле. Ветки тополей забились, закрипели, застонали. Пыль поднялась столбом, ударила в лицо, забила в глаза.

— Бежим! — крикнула Соня, хватая Софу за руку.

Они побежали. До Сониного дома было метров сто тридцать — через дворы, мимо домов, мимо гаражей. Но ветер дул в спину, подгонял, заставлял спотыкаться. Софа споткнулась, чуть не упала, но Соня удержала.

— Быстрее!

Дождь начался не каплями — стеной. Сразу, без предупреждения, как будто кто-то опрокинул ведро. Вода хлестала по лицу, по плечам, по спине. В один миг девочки промокли до нитки.

— К подъезду! — крикнула Соня, меняя направление. — Не успеет домой!

Подъезд соседней двухэтажки — той самой, что стояла на углу Чехова и Октябрьской — был открыт. Дверь, с металлической ручкой и доводчиком, была распахнута — кто-то подставил кирпич для проветривания. Соня влетела внутрь, таща за собой Софу.

На лестничной клетке зажёгся светодиодный плафон — датчик движения сработал на их появление. Пахло мокрой обувью и чуть-чуть хлоркой.

Девочки замерли, прижавшись к стене. Свет погас — датчик не уловил движения.

— Здесь переждём, — сказала Соня, пытаясь отдышаться. Сердце выстукивало бешеный ритм где-то в груди.

Софа молчала. Она стояла, прижавшись к стене, и смотрела на дверь, за которой бушевала гроза. Очки запотели, стекла покрылись белой пеленой, и мир вокруг стал расплывчатым, как акварельный рисунок, залитый водой.

Соня перевела дыхание, прислушалась к грохоту за дверью. Повернулась к Софе:

— Ты как?

— Мокро, — выдавила Софа. — И страшно.

Соня подошла ближе, взяла её за руку. Ладонь у подруги была ледяной и мокрой.

— Ничего, — сказала Соня, и голос у неё был спокойнее, чем она себя чувствовала. — Гроза быстро проходит.

— А вдруг молния? — спросила Софа, глядя на дверь. — Вдруг ударит?

— Не ударит. Мы в доме.

За окном подъезда, сверкнуло — белым, ослепительным, как вспышка фотоаппарата в лицо.

А через секунду ударил гром — так, что задрожали стены.

Софа взвизгнула и вцепилась в Сонину руку обеими ладонями.

— Не бойся, — сказала Соня, хотя сама испугалась. — Это просто звук. Он не страшный.

— Страшный, — всхлипнула Софа.

Соня не знала, что делать. Дома, когда она боялась темноты, мама Оля просто включала свет и говорила: «Никого нет, спи». Но здесь не было света. И мамы не было. Была только Софа — мокрая, дрожащая, с беспомощно висящими на носу очками.

— Иди сюда, — сказала Соня и обняла её.

Софа прижалась к ней, как маленькая, хотя была всего на год младше. Её плечи тряслись, зубы стучали, но постепенно — минута, другая, третья — дрожь стала утихать.

— Ты боишься грозы? — спросила Соня, чувствуя, как волосы Софы щекочут её щёку.

— Да, — прошептала Софа. — С детства. Когда я была маленькая, мы с мамой жили в другой квартире, на пятом этаже. И однажды молния ударила в дом. Стена загорелась. Пожар был. Маленький, но я помню запах.

— И что потом?

— Потом мы переехали сюда. — Софа подняла голову, и в глазах у неё блеснули слёзы. — А я осталась бояться.

Соня молчала. Она не знала, что сказать. У неё никогда не было таких страхов — только темнота, иррациональная, без истории, без причины. Просто темнота, и всё.

— А ты не боишься? — спросила Софа, поднимая голову.

— Боюсь. Но не грозы. Я темноты боюсь.

— А здесь же темно?

— Здесь есть ты. С тобой не страшно.

Софа улыбнулась мокрыми дрожащими губами, но улыбнулась. И Соня вдруг поняла, что это правда: с Софой действительно не страшно. Даже в тёмном подъезде, под раскаты грома, когда за дверью бушует стихия.

Гроза бушевала ещё минут двадцать. Дождь стучал по крыше, ветер завывал в щелях, молнии били где-то рядом — каждая следующая громче предыдущей. Но девочки сидели на подоконнике, прижавшись друг к другу, и ждали.

Соня рассказывала истории. Сначала про то, как папа Паша учил её плавать на озере — долго, упорно, без лишних слов, пока она не поплыла сама. Потом про маму Олю, которая однажды забыла выключить утюг и весь день переживала, сгорел ли дом. Потом про то, как они с Софой закопают ещё один клад — побольше, с настоящими сокровищами, может быть, даже с картой сокровищ.

Софа слушала и постепенно переставала дрожать. Очки уже не были мокрыми, стекла прояснились, и она смотрела на Соню своими увеличительными, чуть смешными глазами.

— Ты хорошая, — сказала Софа, когда Соня замолчала. — Знаешь?

— Знаю, — ответила Соня без ложной скромности. — Ты тоже.

Дождь начал стихать. Сначала перестали сверкать молнии, потом гром ушёл куда-то за горизонт, и остался только ровный, успокаивающий шум воды — как будто кто-то включил огромный душ.

— Кажется, кончается, — сказала Соня, выглядывая в дверной проём.

На улице было серо, но не страшно. Асфальт блестел, в лужах отражалось небо — мокрое, тяжёлое, но уже без туч. Пахло озоном и свежестью — тем особенным запахом, который бывает только после грозы, когда воздух становится чистым, как будто его выстирали и прополоскали.

— Пошли, — сказала Соня, беря Софу за руку. — Провожу тебя.

До Софиного дома они шли по лужам — нарочно, потому что Соня сказала: «Раз всё равно мокрые, чего бояться?» Софа сначала стеснялась, потом зашвырнула свои сандалии далеко вперёд и побежала босиком по воде, визжа от восторга.

— Тише, — сказала Соня, смеясь. — А нас увидят и расскажут родителям.

— А пусть смотрят! Гроза же прошла! Можно радоваться!

Она подпрыгнула в луже, и огромный фонтан брызг обдал Соню с головы до ног.

— Ну всё, — сказала Соня, нагибаясь, чтобы зачерпнуть воды в ладони. — Получай.

Водяная битва длилась пять минут. В итоге обе были мокрыми настолько, что хуже уже некуда, и обе смеялись — до слёз, до колик в животе, до хрипоты.

У калитки Софиного дома они остановились, чтобы отдышаться. Софа натянула сандалии обратно, смеясь и отряхивая мокрые ноги.

— Заходи, — сказала Софа. — Мама будет рада.

— Не могу. Меня дома ждут. Я позвоню.

— А завтра встретимся?

— Конечно.

Соня развернулась и пошла обратно, через лужи, через мокрый асфальт, мимо тополей, которые ещё роняли капли с листьев, словно плакали. Софа смотрела ей вслед, прижимая к груди промокший альбом с рисунками — велосипед с квадратными колёсами, красную раму и ещё одно, новое: две девочки на качелях, над ними туча, а из тучи бьёт молния.

Надпись внизу: «Мы не боимся».

Софа долго смотрела на эти слова, потом улыбнулась — той тихой, тёплой улыбкой, которую не замечаешь, пока не присмотришься. Поправила очки, ещё раз взглянула на мокрый асфальт, где скрылась Соня, и, уже без страха, шагнула в дом.

Глава 8.1.

Идея родилась на следующий день после грозы — в понедельник, когда солнце снова раскалило улицу, а делать было решительно нечего. Клад закопан и найден, велосипеды освоены, мультики пересмотрены. Оставалось только то, что лежало за пределами привычного — там, куда они ещё не заходили.

— Сонь, — сказала Софа, лёжа на траве и глядя в небо сквозь очки. — А давай сходим в тот дом?

— В какой? — Соня лениво приподняла голову.

— Ну, в заброшенный. На Октябрьской. Мы мимо проезжали, помнишь? Там ещё череп на гараже нарисован.

Соня приподнялась на локте. Она помнила этот дом — серый, двухэтажный, с выбитыми окнами и облупившейся штукатуркой, похожей на старую кожу. Дом стоял в глубине двора, заросшего крапивой и лопухами, и выглядел так, будто его забыли много лет назад.

— Туда нельзя, — сказала Соня, но в голосе не было уверенности.

— Почему?

— Ну... может, там опасно. И Папа не разрешает.

— А мы посмотрим. Если опасно — уйдём.

Соня подумала. Ей было страшно — не так, как темноты, а как-то по-другому, щекотно, как перед прыжком в воду с тарзанки. Внутри что-то ёкало и звало одновременно.

— Ладно, — сказала она. — Но, если что — убежим.

— Договорились.

Они прошли мимо старой церкви, свернули на Октябрьскую. Дома по обе стороны стали реже, асфальт — хуже. Соня узнала этот район: отсюда до магазина было рукой подать. В про-

шлый раз, когда они возвращались с мороженым, они проезжали здесь — и тогда она заметила странный дом с выбитыми окнами.

Забытый дом стоял на отшибе Октябрьской. Когда-то здесь было общежитие, потом его расселили, потом забыли, а потом он стал ничьим. Двор зарос бурьяном, окна зияли чёрными глазницами, дверь была сорвана с петель и валялась в крапиве.

— Красиво, — сказала Софа, и голос у неё был серьёзным, почти замороженным.

Соня посмотрела на неё, потом на дом — облупленный, с выбитыми окнами, заросший крапивой. И вдруг поняла, что подруга права. Было в нём что-то величественное. Обречённое, но не сломленное.

— Красиво, — согласилась она. И добавила, переступая через порог: — За мной.

Внутри пахло сыростью, плесенью и чем-то сладковатым — может быть, старыми обоями, может быть, гнилыми половицами. Свет проникал через выбитые окна и ложился на пол желтоватыми прямоугольниками, в которых плясали пылинки.

Первая комната была пустой. Ободранные стены, груда мусора в углу, старый матрас с вылезшей наружу пружиной. На матрасе кто-то нарисовал чёрным маркером рожицу — улыбающуюся, с глазами-точками и огромными ушами.

— Кто-то здесь живёт? — Софа прижалась к Соне и зашептала, хотя в доме никого не было.

— Не похоже. — Соня огляделась. — Слишком грязно. Жильцы бы прибрались.

— А если бомжи?

— Бомжи бы тоже прибрались. — Соня пожала плечами. — Немного, но прибрались бы.

Они пошли дальше. Коридор был тёмным, но свет из первой комнаты падал на стены, и Соня разглядела остатки обоев — цветочки, бантики, что-то розовое, детское.

— Здесь была чья-то комната, — сказала Софа тихо. — Девочки. Как мы.

Соня молчала. Она думала о том, кто жил здесь, куда ушёл, почему бросил свой дом. Ей стало грустно — не по-настоящему, а так, щемяще, как бывает, когда видишь старую фотографию незнакомых людей.

Вторая комната оказалась больше. Здесь были остатки мебели — стол на трёх ножках, стул без спинки, железная кровать с панцирной сеткой, на которой когда-то лежал матрас, а теперь только голые пружины, похожие на оскал.

— Смотри, — сказала Софа, показывая на стену.

Там висела фотография. Пожелтевшая, с надорванным краем, приклеенная скотчем, который давно потерял свою липкость и держался на честном слове. На фотографии были дети — трое мальчиков и две девочки, в одежде восьмидесятых, с челками и улыбками. Они стояли на крыльце этого же дома — Соня узнала перила, которые теперь лежали в крапиве.

— Им сейчас лет под пятьдесят, — сказала Соня. — Или больше.

— А где они теперь?

— Не знаю. Может, в Москве. Может, за границей. Может, умерли.

Софа долго смотрела на фотографию, потом перевела взгляд на Соню. — Идём, — сказала она.

Лестница на второй этаж скрипела так, будто у неё болели все суставы сразу. Соня ступала осторожно, проверяя каждую ступеньку, прежде чем перенести вес. Софа шла сзади, держась за перила — они были шаткими, но выдерживали.

Наверху было светлее — крыша местами обвалилась, и сквозь дыры пробивалось солнце. Пол был усыпан битым стеклом, щепками, птичьими перьями. В углу сидела ворона, которая не испугалась девочек, а только посмотрела на них чёрным блестящим глазом и отвернулась.

— Здесь кто-то жил, — повторила Софа, оглядываясь. — Птицы. И летучие мыши, наверное.

— Фу, — сказала Соня.

— Они полезные. Комаров едят.

Они прошли вдоль стены, заглядывая в комнаты. Третья была маленькой, похожей на кладовку, с низким потолком и без окон. Четвёртая — просторной, с балконом, на котором ветер шевелил остатки тюля, похожие на привидения.

В пятой комнате они нашли куклу.

Она лежала в углу, среди мусора, раскинув пластмассовые руки. У куклы были светлые волосы — когда-то аккуратно расчёсанные, а теперь спутанные в колтуны. Голубое платье в горошек порвано на груди. Головы не было.

— Ой, — сказала Софа, отступая на шаг. — Это страшно.

— Это просто кукла, — ответила Соня, хотя внутри у неё всё сжалось. — Кто-то выбросил.

— Но почему без головы?

— Отломалась. Дети же ломают.

Софа подошла ближе, присела на корточки. Потрогала куклу за плечо — пластмасса была холодной, шершавой. Перевернула. На спине, на жёсткой коробке, где когда-то была вставлена батарейка, кто-то написал фломастером: «Прости, Настя».

— Её звали Настя, — тихо сказала Софа, переворачивая куклу. — И кто-то перед ней извинился.

Соня подошла, посмотрела на надпись. «Прасти». С ошибкой. Детской рукой.

Ей стало не по себе — не страшно, а как-то щемяще. Как будто она подсмотрела чужую тайну, которую не должна была видеть.

— Пойдём отсюда, — сказала она, и голос у неё был тише, чем хотелось бы.

— Давай, — кивнула Софа.

Они вышли на балкон — оттуда был виден пустырь, поле и лес. Лес чернел на горизонте, как всегда, манящий и пугающий одновременно.

— Сонь, — Софа оперлась на ржавые перила и задумчиво посмотрела вдаль. — А ты веришь, что в том лесу есть что-то необычное?

— Ну... — Соня пожала плечами. — Деревья. Птицы. Звери.

— А что-то ещё?

— Например?

— Не знаю, — Софа чуть улыбнулась, но улыбка была странной, задумчивой. — Духи. Лешие. Или... кто-то, кто там живёт.

Соня посмотрела на лес и вдруг подумала: а если там действительно кто-то есть? Не человек, не зверь. Что-то древнее, что смотрит на город с другой стороны.

— Не думаю, — сказала она. — Там никого нет.

Но в голосе её не было уверенности.

Они вернулись домой к обеду. Соня несла в памяти куклу без головы и слово «прасти», написанное детской рукой.

Мама Оля вышла на крыльцо, вытирая руки о фартук.

— Где вы были? — спросила она. — Я волнуюсь.

— Гуляли, — ответила Соня. — На Октябрьской.

— На Октябрьской? — Мама нахмурилась. — Там же дом старый. Заброшенный.

— Мы только снаружи.

— Смотрите у меня. В заброшенные дома не лазать. Это опасно.

— Мы знаем, — сказала Соня и посмотрела на Софу. Та кивнула, соглашаясь.

Теперь это было их секретом. Один большой секрет на двоих маленьких девочек.

Вечером, когда Софа ушла домой, Соня сидела на подоконнике и смотрела на лес. Солнце садилось, окрашивая небо в фиолетово-розовые тона, и лес казался чёрным, как вырезанный из картона.

Соня вспомнила ту куклу без головы, надпись «прасти». И подумала: может быть, Настя тоже когда-то хотела, чтобы её простили.

Ей стало страшно. Но страх был не таким, как от темноты. Это был страх перед чем-то, что она не могла объяснить — старыми вещами, чужими жизнями, оборванными историями, которые больше никогда не продолжатся.

Она достала фонарик из-под подушки, нажала на кнопку. Жёлтый свет разогнал тени по углам.

— Раз, два, три, — прошептала Соня. — Никого нет. Четыре, пять, шесть. Я одна.

Глава 9.1.

Незаметно пролетели три недели. Три недели, наполненные солнцем, мороженым, велосипедами, походами в заброшенный дом и долгими вечерами на качелях. Три недели, которые казались бесконечными, когда они длились, и такими короткими — когда закончились.

Август вступил в свои права. Жара спала, но воздух оставался тёплым и тягучим, как мёд. Небо уже не было выцветшим — оно стало глубоким, синим, с редкими белёсыми облаками, похожими на перья. По утрам пахло яблоками — они поспевали, падали с деревьев и лежали на земле жёлто-красными пятнами, привлекая ос.

Соня сидела на лавке у своего дома и смотрела на улицу. Софа сидела рядом. Они молчали — не потому, что поссорились, а потому, что говорить было не о чем. Всё, что можно было сказать, уже сказано. Всё, что можно было сделать — сделано.

— Скучно, — Соня откинулась на спинку лавки и уставилась в небо.

— Ага, — Софа болтала ногами, глядя на свои кеды. — Уже даже мультики надоели.

Они помолчали ещё минуту.

— Хочешь в заброшенный дом? — предложила Софа.

— Мы там уже три раза были, — Соня вздохнула. — Фотографию и куклу нашли... Чего там ещё делать?

— Не знаю, — Софа пожала плечами.

— Может, в лес? — Соня сказала это небрежно, словно, между прочим, но краем глаза посмотрела на Софу — как та отреагирует.

Софа поправила очки, посмотрела в сторону поля. Лес чернел на горизонте, как всегда, но теперь он казался не просто тёмным пятном, а чем-то большим, почти живым.

— Боишься? — спросила Соня.

— А ты?

— Нет. — Соня соврала. Она боялась, но страх был не тем, от которого хочется спрятаться, — наоборот, к которому хочется идти навстречу. Прямо в неизвестность.

— Давай не сегодня, — сказала Софа. — Сегодня мама обещала пирог испечь.

— Ладно. Тогда завтра.

— Завтра.

Но завтра не получилось. И послезавтра — тоже. То у одной были дела, то у другой, то дождь шёл, то мама Ира ушла на смену, и Софа боялась оставлять квартиру без присмотра. А потом наступила суббота, и оказалось, что обе свободны, и погода хорошая, и даже Лёшка не пристаёт (он уехал к бабушке в деревню на неделю).

— Сегодня, — сказала Соня, встретив Софу у калитки.

— Сегодня, — кивнула Софа.

Но сначала были дела. Родители не знали о планах — и не должны были знать.

Соня зашла в дом, где пахло борщом. Мама Оля стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Папа Паша сидел за столом, чинил, что-то в разобранной соковыжималке.

— Мы с Софой во дворе, — сказала Соня, натягивая кеды. — Погуляем.

— Недалеко, — ответила мама, не оборачиваясь.

— Ага.

— К обеду чтобы дома.

— Ага, — Соня уже взялась за ручку двери.

Соня вышла. На секунду ей показалось, что папа Паша поднял голову и посмотрел на неё. Но она не оглянулась — боялась увидеть в его глазах вопрос, на который не сможет ответить.

У Софы разговор был ещё короче.

— Мам, я к Соне, — крикнула Софа с порога.

Мама Ира сидела за ноутбуком, в наушниках. Она подняла голову, кивнула, помахала рукой. На ней была растянутая футболка и домашние штаны — она опять работала дома.

— Будешь есть? — крикнула Софа громче.

— Потом! — ответила мама, надевая наушники обратно.

Софа закрыла дверь и вышла. Она чувствовала странную пустоту внутри — не обиду, не грусть, а что-то среднее, похожее на сквозняк, который гуляет по пустой комнате.

Они встретились у дыры в заборе. Соня нырнула за угол гаража и вытащила старый рюкзак, который спрятала там с утра. Внутри уже лежали бутерброды, вода и фонарик. Софа подошла сзади, и у неё за спиной тоже висел рюкзак — поменьше, с печеньем, комиксом и Тимофеем, которого она сунула в самую последнюю минуту, «для храбрости».

Соня оглянулась на гаражи. Там, за ними, остался её дом и её родители, которые занимаются своими делами и ничего не подозревают. Она почувствовала, как внутри кольнуло. Не страх. Стыд. Она врала маме, уходя «во двор». А сама шла в лес, куда ей запрещали.

— Ты тоже спрятала? — спросила Соня.

— За крыльцом, — шепнула Софа. — Мама не видела.

— Ты серьёзно? — спросила Соня, кивнув на рюкзак, из которого торчала лохматая Тимофеева голова.

— А вдруг пригодится?

— В лесу?

— В лесу всякое бывает.

Соня вздохнула, но спорить не стала. Она сама взяла с собой папин фонарик — большой, тяжёлый, с резиновой ручкой.

— Идём? — спросила Соня.

— Идём.

Она пролезла первой. Сетка-рабица противно скрипнула, зацепившись за Сонину косу. Софа пролезла следом, чуть не порвав шорты о торчащий прут.

С этой стороны забор выглядел иначе — старым, ненужным, словно он отгораживал не двор от пустыря, а прошлое от будущего. Соня посмотрела вперёд, на пустырь, за которым густел лес, и сказала: — Пошли.

Они пошли.

Тропинка вилась между гаражами, потом вывела на пустырь, заросший жёсткой, колючей травой. Здесь пахло бензином и ржавчиной — кто-то давно разобрал старые машины и бросил детали прямо в бурьян. Соня наступила на промасленную тряпку, выругалась (тихо, чтобы Софа не слышала), отбросила её ногой.

До опушки оставалось метров триста. Лес приближался медленно — сначала отдельные деревья, потом кусты, потом тень, которая легла на тропинку, словно кто-то накрыл землю огромным одеялом.

— Страшно? — спросила Соня.

— Немного, — честно ответила Софа, и голос её дрогнул. — А тебе?

— Тоже немного.

Они взялись за руки. Ладони были влажными — от волнения, от жары, от предчувствия. Соня почувствовала, как внутри разливается что-то тёплое и тревожное одновременно — как перед прыжком с вышки, когда ноги уже оторвались от бортика, а вода ещё далеко.

— Мы же недалеко, — сказала Софа, будто уговаривая себя. — Просто посмотрим и вернёмся.

— Конечно, — ответила Соня. — Часа через два.

— Мамы не узнают?

Соня помолчала. Посмотрела назад, на дома, которые уже почти скрылись за тополями.

— Не узнают, — сказала она.

Они шагнули в тень. Лес принял их — тихий, зелёный, прохладный. Трава сменилась мхом, воздух стал влажным и густым, пахло хвоей и прелыми листьями.

Сзади, за их спинами, остались гаражи, пустырь, забор, улица Чехова — весь привычный, понятный мир, который знал их с детства. Впереди было нечто иное — то, чего они ещё не видели, не трогали, не нюхали. То, о чём мечтали, сидя на лавочке у дома.

Соня оглянулась. Дома уже не было видно — только церковная маковка, горевшая золотом на солнце над верхушками тополей.

— Не оглядывайся, — сказала Софа, сжимая её руку. — А то захочется вернуться.

— Мне и так хочется, — честно призналась Соня.

— И мне, — тихо сказала Софа. — Но мы же хотели.

Соня посмотрела на неё. Софа стояла, сжимая лямки рюкзака, из которого торчала лохматая голова Тимофея, и смотрела вперёд, на тёмную стену леса. Очки съехали на кончик носа, но она не поправляла их. В её глазах горел тот самый огонь — и Соня поняла, что отступить уже нельзя.

— Хотели. — согласилась Соня.

Они пошли дальше. Тропинка сужалась, деревья смыкались над головой, и солнечный свет пробивался сквозь кроны редкими жёлтыми монетками. Где-то вдалеке стучал дятел — быстро, сухо, как пулемётная очередь.

— Сонь, — сказала Софа. — А ты веришь, что мы не заблудимся?

— Не заблудимся, — ответила Соня, хотя внутри уже зарождался холодок сомнения. — Мы же умные.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛЕС

Глава 1.2.

Лес встретил их не темнотой и холодом, как ожидалось, а светом и теплом. На опушке, куда они вышли через пять минут после того, как скрылись из виду гаражи, было солнечно, зелено и очень тихо — но не страшно, а торжественно, как в храме, где вот-вот начнётся служба.

Соня остановилась, перевела дыхание. Софа врезалась ей в спину — не сильно, но очки съехали набок.

— Ты чего встала? — спросила она, поправляя оправу.

— Смотрю, — Соня не обернулась. Голос у неё был тихим, почти шёпотом.

— На что? — спросила Софа, взглядываясь вперёд.

— На лес. Он... — Соня запнулась, подыскивая слово. — Он не страшный. Вообще.

— А я думала, он будет тёмный и злой, как в сказках, — выдохнула Софа. — А он... красивый. Как будто мы в другую страну попали.

— Тише, — Соня приложила палец к губам. — Слышишь?

Они замерли. Где-то в глубине леса, за густыми кронами, перекликались птицы. Ветер шевелил листья, и они шуршали, как старые страницы. Софа приоткрыла рот, прислушиваясь.

— Тихо, — прошептала она.

— Как в церкви, — добавила Соня.

Софа подошла ближе, встала рядом. Деревья здесь были не такими, как в городском парке, — живыми, настоящими, с толстыми стволами, покрытыми мхом и лишайниками, с корнями, которые вылезали из земли и тянулись в стороны, будто пальцы великана. Между стволами вился свет, жёлтый и мягкий, как топлёное масло, а в воздухе пахло хвоей, прелыми листьями и ещё чем-то сладким — может быть, земляникой, может быть, грибами.

— Идём, — сказала Соня, делая шаг вперёд.

Тропинка была широкой — накатанной, видно, что здесь ходили. Не люди, может быть, звери — но ходили. Земля под ногами пружинила, покрытая подушкой из мха и сухих иголок. Комары ещё не проснулись, или их не было в этом месте, и Соня чувствовала, как напряжение, которое накопилось за утро, медленно отпускает.

Они шли недолго — минут двадцать, не больше. Тропинка то расширялась, то сужалась, и в одном месте, где деревья расступились, Соня увидела поляну. Небольшую, круглую, как блюдце, окружённую берёзами с белыми стволами, похожими на свечи. В центре стоял старый пенёк — широкий, весь в трухе, с шапкой зелёного мха на макушке.

— Привал, — объявила Соня, и рюкзак с глухим стуком упал на траву. — Пять минут.

— А есть будем? — спросила Софа, тоже снимая рюкзак и доставая плюшевого пса Тимофея. Она посадила его на пенёк — тот сидел, прислонившись спиной к трухе, и смотрел на них своими чёрными пуговичными глазами.

— Бутерброд хочешь?

— Давай.

Соня развязала рюкзак, достала свёрток. Бутерброды были с сыром и колбасой — хлеб уже подсох по краям, но внутри оставался мягким. Они съели по половинке, запивая водой из бутылки, которую передавали из рук в руки.

— А ты знаешь, — сказала Софа, жуя, — я представляла лес другим.

— Каким?

— Тёмным. Страшным. А он... хороший. Как в сказке.

— В сказках лес тоже сначала хороший, — заметила Соня. — А потом появляется Баба-Яга.

— Здесь нет Бабы-Яги.

— Откуда ты знаешь?

— Ну... не может она быть. Это же современный лес. Бабы-Яги кончились.

Соня усмехнулась, но спорить не стала. Ей и самой не хотелось думать о страшном — хотелось верить, что лес останется таким же светлым и дружелюбным, каким казался сейчас.

Соня остановилась, развязала рюкзак и загадочно улыбнулась.

— Что? — Софа насторожилась, поправила очки.

— У меня кое-что есть. — Соня вытащила сложенный лист бумаги, развернула его и торжественно протянула подруге.

— Это что? — Софа взяла лист, повертела в руках, поднесла к глазам. — Это же лес! Сонь, это карта?

— Угу.

— Откуда?!

— Нашла у папы в комоде. Он когда-то ходил в лес с соседом, дядей Лёшей. Тот всё знал про лес. Папа говорил, без Лёши он как слепой котёнок. И карту отдал папе на память. А папа её убрал и забыл.

— А ты взяла, — Софа расплылась в улыбке, прижимая карту к груди. — Ты — гений! Мы не заблудимся!

— Не заблудимся, — кивнула Соня. — Смотри, тут ручей отмечен. И болото. И лесопилка. Мы только до ручья и обратно, ладно?

— До ручья и обратно, — согласилась Софа, но глаза её уже бегали по карте, выискивая что-то ещё. — А что там, за ручьём?

— Лес. Лес и лес. — Соня спрятала карту. — Идём?

— А до ручья далеко? — спросила Софа, доедая бутерброд.

— По карте — недалеко. За той рощей. — Соня показала рукой на полосу молодых осин, видневшихся в просвете между соснами.

— Тогда пошли скорее. Я хочу посмотреть, есть ли там раки.

Они собрали рюкзаки, Соня спрятала карту в карман шорт, и девочки двинулись дальше. Лес постепенно менялся — сосны уступили место берёзам, берёзы — осинам, почва стала влажнее, и в воздухе появился едва уловимый запах сырости.

— Слышишь? — спросила Софа, когда они обогнули особенно густую группу деревьев.

Сначала Соня ничего не слышала. Только птиц, только ветер в кронах, только собственное дыхание. А потом — тонкое, звонкое журчание, похожее на маленький колокольчик, который кто-то тихонько встряхивал вдалеке.

— Ручей, — сказала она.

Ручей оказался совсем недалеко от тропы. Он вился между камнями, узкий, быстрый, с прозрачной водой, в которой отражалось небо и верхушки деревьев. На дне лежали разноцветные камешки — серые, белые, красноватые, один — с блестящей зелёной прожилкой, похожей на змеиную чешую.

— Красота, — выдохнула Софа, опускаясь на корточки у самой воды. — Как в кино.

Она сунула руку в ручей и тут же отёрнула, встряхнув мокрыми пальцами.

— Ой, она ледяная! Холодная-холодная! — Софа засмеялась, потирая ладони. — Как из холодильника!

Соня присела рядом, зачерпнула ладонями воду и плеснула себе в лицо. Холод обжёг кожу, смывая пот и усталость. Она зажмурилась, фыркнула, отряхивая капли.

— Хорошо, — выдохнула она. — Как будто заново родилась.

— Дай и я! — Софа сложила ладошки, зачерпнула воду и плеснула вверх, прямо в небо. Брызги сверкнули на солнце, как мелкие бриллианты, и упали обратно в ручей.

— Смотри, как красиво! — закричала она. — Как в кино, когда снимают замедленную съёмку!

— Ты в кино не снималась, — фыркнула Соня, но тоже зачерпнула воду и плеснула в сторону Софы.

Та взвизгнула, прикрываясь руками.

— Ах ты! — Софа зачерпнула воду и запустила ответные брызги.

Они смеялись, брызгались, пока лица и одежда не покрылись холодными каплями. Софа сняла очки, протёрла мокрые стёкла о футболку.

— Хватит, хватит, — сказала она, смеясь. — Я уже вся мокрая.

— А кто начал? — Соня вытерла мокрое лицо рукавом, улыбаясь.

— Ну я, — призналась Софа, — а ты продолжила!

Они сидели на берегу, переводя дыхание, и смотрели на ручей. Вода бежала по камням, переливалась на солнце, и казалось, что весь мир состоит из этого журчания, света и их смеха.

— Ну всё, — сказала Софа, поднимаясь и отряхивая мокрые колени. — Я замёрзла. Давай дальше пойдём?

— Давай, — Соня тоже встала, стряхнула воду с рук.

Софа отошла чуть вперёд, туда, где ручей делал крутой поворот, огибая густые заросли ольхи. Она перешагнула через корень, раздвинула ветки и вдруг замерла.

— Сонь! — позвала она. — Иди сюда, скорее!

— Что там? — Соня подошла и выглянула из-за плеча подруги.

За поворотом ручья, на противоположном берегу, в тени старой, кривой ивы с ободраным стволом, стояла маленькая дощатая будка. Крыша провалилась в одном месте, дверь висела на одной петле, как сломанное крыло, и была приоткрыта. Окна не было — только чёрный прямоугольник, похожий на глаз, который смотрел прямо на них.

— Ой, — выдохнула Софа. — А мы и не заметили. Она за кустами спряталась.

— Похоже на домик, — сказала Соня, вглядываясь. — Или на будку для инструментов.

— А там кто-то живёт? — Софа понизила голос до шёпота.

— Вряд ли. Давай проверим по карте.

Соня достала из рюкзака карту, развернула её на траве. Софа присела рядом, придвинулась ближе, чуть не уткнувшись носом в бумагу.

— Мы здесь, у ручья, — Соня провела пальцем по извилистой синей линии. — А это... — она прищурилась, разглядывая маленький значок. — Тут какой-то домик нарисован.

— И что там написано?

Соня пригляделась. Рядом со значком стояла мелкая, почти стёршаяся надпись.

— «Нежилая», — прочитала она по слогам. — И дата какая-то. Не разобрать.

— Круто! — Софа захлопала в ладоши. — Давай сходим, посмотрим!

— Только быстро, ладно? — Соня спрятала карту. — Мы же только до ручья и обратно.

— Быстро-быстро! — Софа уже переминалась с ноги на ногу, нетерпеливо глядя на будку.

Они перешли ручей по камням — осторожно, держась за руки, балансируя на скользких, покрытых зеленью валунах. Софа чуть не упала, но Соня удержала её.

— Ой, спасибо, — выдохнула Софа, хватаясь за Сонину руку. — Я чуть не искупалась.

— Тогда бы мы посмеялись, — фыркнула Соня.

Будка оказалась не такой уж маленькой, как казалась издали. Стены были тёмными, почерневшими от времени, доски кое-где прогнили, и сквозь щели виднелся мрак. Внутри пахло сыростью, старой пылью и чем-то сладковатым — может быть, старым сеном, может быть, гнилым деревом.

Софа заглянула внутрь и отпрянула.

— Фу, там темно! И пахнет... чем-то странным.

— Может, там ёжик живёт? — прошептала Соня, тоже заглядывая через плечо подруги.

— Ёжики в норках живут, — фыркнула Софа. — Это, наверное, охотники прятались от дождя. Или лесник.

— А где он сейчас?

— Не знаю. Может, ушёл в другой лес. Или переехал в город.

— Странно, — сказала Софа, оглядываясь на будку. — Домик есть, а человека нет.

Соня заглянула внутрь, посветив фонариком. Пол был земляной, усыпанный трухой. На стене висела ржавая кружка, прибитая к доске гвоздём. В углу лежала газета — старая, пожелтевшая, с крупными буквами на первой странице.

— Иди сюда, — позвала Соня, залезая внутрь.

Софа втиснулась следом. Вдвоём в будке было тесно — плечо к плечу, колено к колену.

— Как в шкафу, — прошептала Софа.

— Ага.

Соня подняла газету. «Комсомольская правда», № 147 от 1997 года. Шелестящие, ломкие страницы. На первой — портрет какого-то мужчины в очках и заголовок: «Реформа: что дальше?»

— Этой газете почти тридцать лет, — сказала Соня. — Старше нас.

— И что она здесь делает?

— Лесник читал. Наверное.

Они посидели ещё немного — тихо, прижавшись друг к другу. Соня представила, как лесник — бородатый дяденька в ватнике — сидит здесь, пьёт чай из ржавой кружки и читает газету при свете керосиновой лампы. А потом встаёт и уходит. И больше не возвращается.

В углу у входа стояла печка — маленькая, круглая, с прогоревшим боком, за неё Соня заметила что-то блестящее. Она нагнулась, пошарила рукой — пальцы нащупали металлическую банку. Старую, ржавую, с оторванной крышкой.

— Смотри, — сказала она, вытаскивая находку.

— Что там?

Соня заглянула внутрь. Банка была пустой — почти. На дне лежала свёрнутая в трубочку бумага, пожелтевшая, ломкая на ощупь. Соня осторожно вытащила её, развернула.

Это был листок из школьной тетради — в клетку, с вырванным краем. На листке было написано простым карандашом, детским почерком, с ошибками:

«Кто нашол эту запись, напешите: я тожэ здесь был. Андрей. 1995»

Соня прочитала вслух. Софа слушала, затаив дыхание, и даже рот приоткрыла от удивления.

— Это же послание! — выдохнула она. — Из прошлого!

— Да. Андрею сейчас... — Соня задумалась, шевеля губами, считая в уме. — Он уже взрослый. Совсем взрослый.

— А ему столько же, сколько моей маме, — сказала Софа и вдруг рассмеялась. — Представляешь, он теперь дядя Андрей! Ходит на работу, пьёт кофе...

— А когда-то в лесу сидел и записки оставлял, — улыбнулась Соня.

Софа взяла листок, бережно разгладила на коленке, как будто это было что-то очень ценное.

— Сонь, а давай мы тоже что-нибудь оставим! Для тех, кто сюда придёт, как мы!

Соня задумалась, покусывая губу. Софа смотрела на неё с таким нетерпением, что, казалось, вот-вот лопнет.

— Ну пожалуйста! — протянула Софа. — Мы же не просто так пришли! Мы должны оставить след.

— Хорошо, — сдалась Соня. — Давай.

Она порылась в рюкзаке, вытащила обёртку от бутерброда — чистую с одной стороны — и огрызок карандаша, который сунула на всякий случай.

— Пиши, — сказала она, протягивая бумагу Софе.

Софа взяла карандаш, прикусила кончик языком, как всегда, делала, когда старалась. Потом склонилась над бумагой и начала выводить буквы.

— «Привет из 2026 года. Мы, Соня и Софа, гуляем в лесу...» — она писала и бормотала вслух, иногда останавливаясь, чтобы подумать. — «Если вы нашли это... значит, мы уже ушли домой...»

— Добавь «не грустите», — подсказала Соня.

Софа дописала, подняла голову, довольно улыбнулась.

— «Лес красивый. С любовью из прошлого», — прочитала она вслух и протянула Соне. — Ну как?

— Хорошо, — кивнула Соня, пробегая глазами. — И дату напиши.

— Какую?

— Сегодняшнюю.

Софа дописала: «10 августа 2026». Подумала и добавила маленькую рожицу в углу — улыбающуюся, с очками.

— Теперь всё, — сказала она, свернула записку трубочкой и протянула Соне. — Клади. Соня сунула записку в банку, туда же, где лежала старая бумага Андрея.

— Теперь их две, — сказала она. — Одна от Андрея, 1995. Другая — от нас, 2026.

— Через тридцать лет кто-нибудь найдёт, — мечтательно сказала Софа, глядя на банку.

— И удивится.

— Или не найдёт, — пожала плечами Соня.

— Найдёт! — твёрдо сказала Софа.

Они поставили банку за печку — туда, где нашли. Соня поправила её, чтобы не упала.

— Ну вот, — сказала она, отряхивая руки. — Теперь мы тоже часть этого домика.

— И этого леса, — добавила Софа.

Ещё немного постояв, глядя на банку, которая теперь хранила две записки из разных времён они вышли из будки, шурясь на солнце. Глаза привыкли к темноте, и свет показался ослепительным. Соня посмотрела на часы — старые, папины, с пластиковым ремешком — и вздохнула.

— Уже больше часа, — сказала она. — Надо возвращаться.

— Ну ещё чуть-чуть! — Софа умоляюще сложила руки.

— Мы нашли ручей, домик, записку. Всё, что хотели. В другой раз ещё погуляем, сегодня уже поздно.

— Ладно, — нехотя сказала Софа.

Соня развернула карту, нашла пальцем то место, где, по её расчётам, они находились. Рядом с ручьём, недалеко от поляны с пнём. Обратная дорога должна была занять не больше часа.

— Пошли, — сказала она, пряча карту. — Не отставай.

Они вернулись к ручью, снова перешли через него на другой берег — туда, откуда пришли. Вода журчала, перекачиваясь через камни, и обе ступали осторожно, выбирая те, что были пошире и поустойчивее.

На том берегу они остановились, отряхивая мокрые кеды.

— Вон та тропинка, — показала она на узкий просвет между кустами орешника. — Кажется, это наша.

— А ты уверена? — Софа прищурилась, поправляя очки.

— Ну... должна быть она. Пошли.

Глава 2.2.

Лес стал гуще. Тропинка, которая до этого была вполне различимой, начала петлять, раздваиваться, теряться в высокой траве. Соня шла медленнее, то и дело останавливаясь, чтобы свериться с картой. Но карта, старая и неточная, помогала плохо — на ней были обозначены только самые крупные ориентиры: ручей, болото, старая лесопилка. А всё, что между ними, оставалось белым пятном.

— Сонь, мы не заблудились? — спросила Софа, когда они в третий раз обошли одну и ту же корявую сосну с обломанной верхушкой.

— Нет, — ответила Соня, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Просто тропинка не прямая. Так бывает в лесу.

— А мне кажется, мы ходим по кругу.

— Не ходим. У нас есть карта.

Карта была, но даже Соня уже начала сомневаться, правильно ли она её держит. Солнце, которое утром было отличным ориентиром, сейчас стояло почти в зените, и тени под деревьями исчезли, слившись в одно серое пятно.

Они прошли ещё немного. Лес вдруг расступился, и перед ними открылась поляна — большая, круглая, залитая солнцем. В центре рос куст — огромный, раскидистый, усыпанный красными точками.

— Малина! — закричала Софа и бросилась вперёд, забыв про усталость и страх.

Малины было много. Целые заросли — куст за кустом, ягода за ягодой, красные, сочные, прогретые солнцем. Они висели низко, почти касаясь земли, и сами падали в руки, стоило только протянуть ладонь.

— Осторожно, ветки колючие, — сказала Соня, но Софа уже нырнула в кусты с головой, не обращая внимания на царапины.

— М-м-м, — мычала она, набивая рот ягодами. — Какая вкусная!

Соня сорвала несколько ягод, положила в рот. Малина была сладкой, почти приторной, с лёгкой кислинкой, которая щипала язык. Она пахла солнцем и летом — тем самым, которое, казалось, никогда не кончится.

— Вкусно, — согласилась Соня, усаживаясь прямо на траву. — Настоящая лесная.

— А магазинная — не настоящая, — сказала Софа, выбираясь из кустов с красными от сока губами и руками. — Она без души.

— У малины есть душа?

— А ты не чувствуешь? Вот эту, лесную, собираешь и чувствуешь: она живая. А магазинная — без вкуса и запаха.

Соня не стала спорить. Она тоже чувствовала разницу — не могла объяснить словами, но чувствовала. Лесная малина пахла лесом, а не пластмассовым контейнером из супермаркета.

Они ели долго — пока животы не налились тяжестью, а языки не стали фиолетовыми, будто их вымакали в чернилах. Софа сидела в кустах по пояс, раздвигая колючие ветки, и то и дело раздавалось её довольное мычание.

— Сонь, смотри! — она вынырнула откуда-то из глубины, вся в царапинах, с красными от сока руками. — Я нашла!

На её ладони лежала ягода — огромная, размером с клубнику, тёмно-красная, почти чёрная. Она переливалась на солнце, и от неё пахло так, что у Сони закружилась голова.

— Ты первая нашла поляну, — сказала Софа, протягивая ягоду с поклоном, как королевский дар. — Тебе почётный приз.

— Спасибо, — Соня взяла ягоду, чувствуя, как та тяжелеет на ладони. Она откусила — сок брызнул, потек по подбородку, закапал на футболку. Соня зажмурилась от удовольствия.

— Ну как? — нетерпеливо спросила Софа.

— Вкуснятина, — выдохнула Соня, вытирая лицо тыльной стороной ладони.

Она огляделась. Поляна была круглой, как тарелка, окружённой высокими соснами. На противоположной стороне виднелся старый пенёк, весь в зелёном мху, а за ним — ещё один куст, ещё больше, усыпанный ягодами так густо, что ветки гнулись к земле. Воздух был таким сладким, что казалось — можно пить его, как компот.

— Давай наберём! — Софа уже доставала из рюкзака пакет, размахивая им как флагом. — Маме отнесём! И твоей маме!

— А не испортятся?

Софа принялась к своей горсти, зажмурилась.

— Не успеют, — сказала она с набитым ртом. — Мы пойдём быстро домой.

Они набрали два пакета — почти полных. Соня завязала их узлом, покрепче, чтобы не развязались, и осторожно опустила в рюкзак. Ягоды тут же осели на дне, приминая друг друга, и из рюкзака потянуло сладким, густым запахом — тем самым, который потом ничем не вывести.

Рюкзак сразу потяжелел, лямки врезались в плечи.

— Тяжёлый, — сказала Соня, прикидывая вес. — Но ничего. Мама обрадуется.

— И моя, — подхватила Софа, прижимая свой пакет к груди. — Она любит малину. Особенно свежую.

Соня посмотрела на подругу, на её счастливое, перепачканное соком лицо, и улыбнулась. Даже если ягоды по дороге помнутся, даже если останется только варенье — мамам всё равно будет приятно.

Когда они вышли с поляны, солнце уже не стояло в зените. Оно опустилось ниже, и тени снова появились — длинные, чёрные, тянущиеся от каждого дерева, как пальцы.

— Пора возвращаться, — сказала Соня, доставая карту. — Где у нас тропа?

— Вон там, — Софа показала на узкий просвет между соснами.

— Пошли.

Они пошли. Но тропа, которая утром казалась такой широкой и понятной, теперь выглядела иначе. Размытой, неясной, то появляющейся, то исчезающей. Соня то и дело останавливалась, оглядывалась, пыталась запомнить приметы — кривую сосну, пенёк с тремя отростками, камень, похожий на черепаху.

— Сонь, а ты помнишь дорогу? — спросила Софа, когда они в очередной раз упёрлись в густые заросли папоротника.

— Помню, — неуверенно ответила Соня. Она остановилась, огляделась. Деревья казались одинаковыми. — Нам нужно на север.

— А где север?

— Там, где солнце, — Соня показала рукой куда-то в сторону.

Софа посмотрела туда, потом на неё.

— Но там же не видно солнца.

— Видно. Немного.

Солнце было — но его уже почти не было видно сквозь кроны. Оно светило где-то далеко, за деревьями, и определить направление по нему становилось всё труднее.

— Давай вернёмся на поляну, — предложила Софа. — И оттуда пойдём.

— Хорошо.

Они вернулись. Поляна была на месте — круглая, солнечная, с малиновыми кустами. Но, с другой стороны, откуда они пришли, теперь тоже росла трава, и никакой тропинки видно не было.

— Странно, — Соня повертела головой, пытаясь найти знакомый ориентир. — Мы же вошли оттуда!

— Может, оттуда? — Софа показала в другую сторону.

— Не знаю, — Соня сжала карту в руке. — Я не помню.

Она помнила, что вошла со стороны высоких сосен. Но высокие сосны окружали поляну со всех сторон. Все они были одинаковыми — прямыми, красноватыми, с зелёными шапками на макушках.

Соня почувствовала, как внутри закрадывается холодок. Не страх — нет, пока ещё не страх. Просто неприятное чувство, что она потеряла контроль. Что лес, который час назад был таким дружелюбным, вдруг стал чужим.

— Сонь, — тихо сказала Софа. — А ты уверена, что мы не заблудились?

— Уверена, — ответила Соня, пряча карту. — Просто надо подумать.

Она думала. Вспоминала утро, как они шли сюда — неподалёку от будки, рядом с ручьём, через маленькую полянку с пнём. Значит, нужно идти обратно — к ручью, а от ручья — к опушке.

— Пошли, — сказала она, выбирая направление. — Держись за мной.

Они пошли. Не по тропинке — её не было, — а просто в ту сторону, где, по расчётам Сони, должен был находиться ручей. Через десять минут они наткнулись на ручей — или на тот, или на другой, Соня не была уверена.

— Ура! — Софа подпрыгнула на месте, чуть не уронив очки. — Мы нашли!

— Тихо, — Соня дёрнула её за руку. — Это не наш ручей.

— А откуда ты знаешь?

— Тут нет домика, — сказала Соня, оглядываясь. — И камни другие. Меньше. И вода мутная.

Софа присела на корточки, заглянула в воду, потом подняла голову.

— А может, это тот же ручей, просто мы дальше отошли? — предположила Софа.

— Может быть.

— А если мы пойдём вдоль него, выйдем куда-нибудь?

— Не знаю.

Соня посмотрела на карту. На ней был обозначен только один ручей — тот, что у будки. Значит, если они нашли другой, карта им не поможет.

— Пошли обратно, — сказала она. — На поляну. Там решим.

Они развернулись. Но поляны не было. Вместо неё — густой, тёмный лес, такой же, как вокруг, без всяких примет.

— Сонь, — голос Софы дрожал. Она уже не пыталась скрыть страх. — А где наша поляна?

— Где-то здесь, — сказала Соня.

— А почему я её не вижу?

Соня не ответила. Она достала фонарик и нажала на кнопку. Жёлтый луч упёрся в стволы, выхватив из темноты мох, кору, прошлогодние листья. Но не поляну.

— Сонь, — прошептала Софа, и голос её сорвался. — Мы же не заблудились?

Соня помолчала. Хотела сказать «нет», но не могла врать. Не сейчас.

— Я не знаю, — сказала она. — Идём, — сказала она, стараясь не показывать страха. — Найдём.

Они бродили ещё час. Лес менялся — то становился реже, то гуще, то вдруг выводил на маленькие полянки, похожие на их, но не их. Софа уже не говорила — она шла молча, держась за Сонин рюкзак, и Соня чувствовала, как дрожат её пальцы.

— Сонь, — наконец сказала Софа. — Давай позвоним кому-нибудь.

— Связи нет, — ответила Соня. — Не ловит.

Она достала свой старый кнопочный телефон — тот самый, который мама Оля дала «на всякий случай». Экран светился, но в углу горела надпись: «Нет сети».

— Ну, хотя бы, — сказала Соня, пряча телефон. — Мы не одни. Лес не такой большой. Кто-нибудь нас найдёт.

— А если нет?

— Найдёт.

Она не верила в то, что говорила. Но верить было нужно — ради Софы, ради себя, ради того, чтобы не поддаться панике, которая уже начинала пульсировать где-то в груди.

Солнце опускалось всё ниже. Тени становились длиннее, лес — темнее.

— Сонь, — прошептала Софа. — А что, если мы не выйдем до темноты?

— Выйдем, — сказала Соня, сжимая её руку. — Обязательно выйдем.

Глава 3.2.

Солнце клонилось к закату. Это было заметно даже сквозь густые кроны — свет из жёлтого стал оранжевым, тёплым, а потом вдруг начал темнеть, будто кто-то поворачивал ручку диммера. Лес, который ещё час назад казался дружелюбным и приветливым, теперь выглядел иначе — чужим, настороженным, полным теней, которые двигались сами по себе.

— Сонь, — сказала Софа, и в голосе её уже не было той детской беззаботности, что утром. — Мы ходим по кругу.

— Нет, — ответила Соня, хотя сама уже начала подозревать то же самое. — Просто лес везде одинаковый.

— Ты это уже говорила, — прошептала Софа. Она подняла голову. Очки съехали набок, из-под них глаза блестели — красные, мокрые.

— И повторю, — Соня взяла её за руку, сжала. — Идём.

Они пошли дальше. Соня старалась держать направление — всё время прямо, не сворачивая, — но лес словно сопротивлялся: то и дело на пути возникали поваленные деревья, густые заросли папоротника или глубокие овраги, которые приходилось обходить. Каждый обход сбивал направление, и Соня уже не была уверена, идут ли они на север или на юг, приближаются к дому или удаляются от него.

— Давай отдохнём, — попросила Софа. — Ноги болят.

— Ещё немного, — сказала Соня, хотя сама чувствовала, как ноги гудят от усталости. — Вон там, под сосной.

Сосна стояла на небольшом пригорке, её корни торчали из земли, образуя что-то вроде естественной скамейки. Соня опустилась на один корень, Софа — рядом. Рюкзаки сняли, поставили у ног. В рюкзаке всё ещё лежали пакеты с малиной — за день ягоды помялись, пустили сок, и из рюкзака тянуло сладким, приторным запахом.

— Пить хочется, — сказала Софа, облизывая сухие губы. Голос у неё был хриплым, как будто она долго кричала.

Соня достала бутылку, встряхнула. Воды оставалось на доньшке. Она протянула бутылку Софе.

— Пей.

— А ты? — Софа посмотрела на неё, и в глазах за толстыми стёклами очков мелькнуло что-то — она знала, что Соня врёт.

— Не хочу, — сказала Соня и отвернулась, чтобы Софа не видела её лица. Горло пересохло, язык казался наждачным, но она заставила себя сглотнуть. — Пей всю.

Софа сделала маленький глоток. Поддержала воду во рту, будто не решаясь проглотить, потом всё-таки проглотила. Вернула бутылку.

— Всем по чуть-чуть, — сказала Софа, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Мы — команда и всё делим поровну.

Соня взяла бутылку. Она была лёгкой, почти пустой, и Соня чувствовала, как на дне плещется последний глоток — тёплый, с привкусом пластика, но такой желанный, что пересохшее горло сжалось в ожидании. Она поднесла бутылку к губам. Задержалась на мгновение, глядя на подругу поверх мутного пластика.

Софа смотрела на неё. Её лицо было грязным, на щеке засохла малиновая полоса, очки съехали на самый кончик носа, но глаза — за толстыми стёклами — смотрели тепло, устало, но с какой-то тихой, упрямой верой в то, что Соня сейчас сделает правильный шаг.

Соня допила. Маленький глоток, ровно столько же, сколько оставила Софа. Вода скользнула по горлу, и Соня почувствовала, как внутри разливается что-то тёплое — не от воды, а от того, что подруга рядом, что она не одна.

Она опустила бутылку, посмотрела на Софу.

— Всё, — сказала она. — Теперь квиты.

Софа улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у Сони защипало в глазах.

— Квиты, — ответила она.

Соня хотела сказать что-то ещё, но слова застряли в горле. Вместо этого она протянула руку. Софа взяла её. Пальцы были холодными, но Соня сжала их крепко — так, как умеют только те, кто знает, что друг у друга есть только они.

— Идём, — скомандовала Соня.

Солнце опустилось ещё ниже. Теперь лучи пробивались сквозь кроны почти горизонтально, и в лесу стало темно — не по-ночному, но достаточно, чтобы очертания деревьев расплылись, а тени слились в одно сплошное серое пятно.

— Сонь, — Софа говорила тихо, почти шёпотом, — ты боишься?

Соня не ответила сразу. Она смотрела вперёд, где между стволами уже не было просветов — только серая, густая муть, в которой тонули очертания деревьев.

— Немного, — призналась она. — А ты?

Вместо ответа Софа поправила очки — привычный жест, который сегодня выглядел беспомощным. Пальцы её дрожали, и очки съехали набок, прежде чем она смогла их поправить.

— Очень, — прошептала она. — Я хочу домой.

Ветка над её головой качнулась — без ветра. Соня посмотрела наверх, но ничего не увидела. Только темноту, которая становилась всё гуще.

— Мы идём домой, — сказала она. — Просто надо найти дорогу.

— А если не найдём?

Соня шагнула вперёд, обходя поваленный ствол. Кора на нём была мокрой, скользкой, и она наступила осторожно, боясь поскользнуться.

— Найдём, — ответила она, но голос прозвучал глухо.

Она достала телефон. Экран засветился, выхватив из темноты её лицо. Семнадцать сорок три. Сети нет.

— Может, подняться на дерево? — предложила Софа. — Сверху видно...

— Поздно, — перебила Соня, пряча телефон. — Темнеет уже.

Вдалеке, там, где лес был особенно густым, что-то хрустнуло. Обе замерли, прислушиваясь. Тишина. Потом снова хруст — дальше, глуше, будто кто-то уходил.

— А если мы останемся здесь на ночь? — прошептала Софа.

— Не останемся, — ответила Соня. — Мы найдём дорогу до темноты.

Она перехватила лямки рюкзака, поправила их, чувствуя, как они врезаются в плечи. Потом повернулась к Софе и протянула руку.

— Держись за меня, — сказала она. — Не отставай.

Софа взялась за её руку. Пальцы у неё были холодными, но она сжала их так крепко, будто боялась, что Соня исчезнет.

Они шли ещё час. Тропа — та, которой они держались, — окончательно исчезла. Вместо неё была просто земля, усыпанная иголками и листьями, с редкими прогалинами, где виднелась голая почва. Лес становился всё гуще, деревья — всё выше, а тишина — всё плотнее, как вата.

— Сонь, — Софа дёрнула её за рюкзак. — Смотри.

Соня оглянулась.

На стволе старой берёзы, прямо на уровне глаз, был вырезан ножом знак. Крест. Не глубокий, заросший корой, но различимый.

— Кто-то был здесь, — сказала Софа, и голос её дрогнул.

Соня подошла ближе, провела пальцем по коре. Крест был старым — края его затянулись, словно прошло много времени с тех пор, как его вырезали.

— Или кто-то ходит здесь часто, — тихо сказала она. — И оставляет метки.

— А зачем?

— Не знаю. Может, чтобы не заблудиться. Может, чтобы другие не заблудились.

Она ещё раз провела пальцем по кресту, будто пытаясь понять, что он значит. Но крест молчал. Он был просто знаком — чужим, старым, непонятным.

— Пошли дальше, — сказала Соня, отрываясь от берёзы.

Лес вокруг изменился. Он стал не просто чужим — он стал пугающим. Соня не могла объяснить, откуда взялось это чувство, но внутри, где-то глубоко в животе, зарождался холод. Тот самый холод, который она чувствовала, когда оставалась одна в тёмной комнате и начинала считать до ста.

— Сонь, давай вернёмся к той берёзе, — предложила Софа. — К первой.

— Зачем?

— Чтобы проверить. Может, оттуда видно что-то.

Они вернулись. Берёза с крестом стояла на месте, кора немного отслоилась, из-под неё виднелась белая древесина. Соня обошла дерево кругом, заглянула за него — и замерла.

За берёзой была тропинка. Та самая, по которой они шли утром — широкая, накатанная, с примятой травой и следами ног.

— Вот она, — сказала Соня, чувствуя, как внутри разливается облегчение. — Я же говорила.

— Сонь, — голос Софы был странным, натянутым. — А мы по этой тропинке шли? Утром?

— Конечно.

— А почему она ведёт не туда?

Соня посмотрела в ту сторону, куда указывала тропинка. Она вела не на север, к дому, а на юг — в глубь леса, туда, где на карте было отмечено болото и лесопилка.

— Может быть, мы перепутали, — сказала Соня, хотя сама не верила в это.

— Или лес крутится, — прошептала Софа.

Соня ничего не ответила. Она смотрела на тропинку, на крест на берёзе, на темнеющее небо между кронами — и чувствовала, как страх, который она сдерживала весь день, начинает прорываться наружу, как вода сквозь плотину.

Стемнело внезапно. Одна минута — ещё было светло, следующая — только серые силуэты деревьев да кусочки неба, где уже зажигались первые звёзды. Соня достала фонарик, включила. Жёлтый луч выхватил из темноты стволы, кусты, траву — узкий туннель света в бесконечной чёрной стене.

— Что будем делать? — спросила Софа. В её голосе не было паники — только усталость и тупая, тягучая обречённость.

Соня сжала лямки рюкзака, чувствуя, как они врезаются в плечи. Ноги гудели, спина болела, но она заставила себя выпрямиться.

— Идти, — сказала она. — Не можем же мы стоять на месте.

— Куда? — Софа подняла голову. Очки съехали набок, и она не поправляла их. В глазах за толстыми стёклами не было ни страха, ни надежды — только тупая, тягучая усталость, которая бывает, когда уже не веришь, что всё закончится.

Соня посмотрела вперёд. Лес был тёмным, густым, бесконечным. Но где-то там, за деревьями, был дом. Она знала это. Должен был быть.

— Вперёд, — сказала она и протянула Софе руку. — Домой.

Она выбрала направление — наугад, потому что солнце уже село, а звёзды сквозь кроны были почти не видны. Просто в ту сторону, где, как ей казалось, должен быть город.

Они пошли. Свет фонарика прыгал по стволам, отбрасывая чудовищные тени, которые то удлинялись, то исчезали, то появлялись снова. Софа шла сзади, держась за Сонин рюкзак, и иногда тихонько всхлипывала — не плакала, а просто дышала с присвистом, как будто ей не хватало воздуха.

— Сонь, — сказала она через какое-то время. — А что, если мы никогда не выйдем?

— Выйдем, — ответила Соня, но в голосе уже не было уверенности.

— А если нет?

— Выйдем. Обязательно.

Фонарик мигнул — батарейки садились. Соня постучала по корпусу — свет стал ярче, но ненадолго.

Она шла — и фонарик освещал путь ровно настолько, чтобы не наткнуться на деревья.

А лес вокруг молчал.

Даже дятел замолк.

Глава 4.2

Фонарик мигнул ещё раз — предупреждающе, как больной, который кашляет перед тем, как упасть. Соня постучала по корпусу, покрутила колёсико настройки. Свет стал ярче на мгновение, а потом снова потускнел, превратившись в жёлтое, едва тлеющее пятно.

— Сонь, — голос Софы звучал глухо, как из-под воды, — батарейки садятся?

— Ещё есть, — соврала Соня. — Должно хватить.

Она не знала, на сколько хватит. В запасе был второй фонарик — в Софином рюкзаке, — но Соня берегла его, как последний патрон. Когда сядет этот, останется только один. А что потом — она боялась думать.

Они шли медленно, почти наощупь. Свет фонарика выхватывал из темноты кусок земли, корни деревьев, мох на стволах — и сразу же прятал обратно, оставляя после себя чёрные пятна перед глазами.

Софа крепко держалась за рюкзак. Соня чувствовала эту дрожь через ткань, через каждый шаг, и старалась не думать о том, что сама боится не меньше.

— Ты помнишь, — голос Софы был хриплым, сорванным, — откуда мы пришли?

Соня остановилась, прислушалась. Лес молчал — даже ветер стих, даже птицы замолкли.

— Оттуда, — она махнула рукой в темноту, но сама не знала, куда показывает.

Софа обернулась. Позади была только тьма — густая, живая, она смыкалась за их спинами, как вода.

— А там точно дом?

Соня хотела сказать «да», но слова застряли в горле. Она посмотрела на фонарик — свет дрожал, батарейки садились. Потом на тропу, которая уходила в темноту и не возвращалась.

— Точно, — сказала она, и голос прозвучал глухо, как будто она говорила не с Софой, а с собой.

Она не была уверена. Внутри, в груди, пульсировал холодный комок — тот самый, который появлялся, когда она оставалась одна в тёмной комнате и начинала считать до ста. Сейчас она не считала. Сейчас она просто шла, стараясь не думать о том, что каждый шаг может уводить их дальше от дома, а не ближе.

Лес изменился. Тени стали гуще, стволы деревьев — шире, воздух — тяжелее. Соня чувствовала, как влага оседает на лице, на руках, на волосах — не дождь, а что-то другое, липкое, тягучее, как паутина.

— Тут кто-то есть, — прошептала Софа. Она стояла так близко, что Соня чувствовала, как дрожит её плечо.

— Нет никого, — ответила Соня, но голос прозвучал глухо, как будто лес выпивал слова, не давая им улететь. — Только мы.

— А мне кажется, кто-то смотрит. — Софа оглянулась, и её дыхание стало чаще.

Соня подняла фонарик, направила в ту сторону. Луч дрогнул, скользнул по мокрым листьям, по чёрным стволам, по папоротнику, который шевелился без ветра. Никого. Только куст, только тень, только темнота, которая сгущалась с каждой секундой.

— Там никого, — сказала Соня, опуская фонарик.

Но в этот момент свет зацепился за что-то — тёмное, бесформенное, висящее на суку старой ели. Сначала Соня подумала, что это просто тень. Но тени не висят. Они не болтаются.

Она медленно подняла фонарик выше.

Рюкзак. Старый, чёрный, потрёпанный, с болтающейся лямкой. Он висел на суку прямо на уровне глаз, как будто его повесили специально, чтобы каждый, кто пройдёт мимо, обязательно его заметил. Лямка покачивалась, хотя ветра не было.

— Чей он? — Софа вцепилась в Сонину руку, и ногти впились в кожу.

— Не знаю, — Соня шагнула ближе, и луч фонарика упёрся в рюкзак. Он был старым, с протёртыми боками, с застёжкой, которая держалась на честном слове. — Может, лесника.

— Лесник бы не повесил рюкзак на дерево, — прошептала Софа, и голос её дрожал. — Он бы его убрал. Или унёс.

— А кто бы повесил?

Соня не обернулась. Она смотрела на рюкзак, на его тёмное, зияющее нутро, и чувствовала, как по спине пробегают мурашки. Где-то внутри, там, где жил страх, что-то шептало: не подходи. Не смотри. Не трогай.

Но она подошла. Она подняла руку, чтобы дотронуться до рюкзака, и в этот момент за её спиной, в глубине леса, что-то хрустнуло. Громко. Настойчиво.

Софа замерла, зажав рот ладонью, чтобы не закричать.

— Там кто-то есть, — выдохнула она в ладонь.

Соня резко обернулась, направив фонарик в ту сторону. Луч выхватил из темноты стволы, кусты, пустоту. Никого.

Только тишина. Только влажный, тяжёлый воздух. И ощущение, что за ними наблюдают.

— Сонь, — прошептала Софа, — давай уйдём. Пожалуйста.

Соня ещё раз посмотрела на рюкзак. Потом в темноту, откуда донёсся звук.

— Уходим, — сказала она, беря Софу за руку.

Они пошли, не оглядываясь. Но Соня чувствовала — рюкзак смотрит им вслед. И тот, кто повесил его, тоже где-то рядом.

Они шли, и лес вокруг становился плотнее, будто дышал им в спину. Ветки тянулись к лицам, корни — к ногам, и каждый шаг давался всё тяжелее, словно земля не хотела отпускать.

Фонарик мигнул снова. На этот раз свет не восстановился — он стал тусклым, красноватым, как уголёк, который догорает и вот-вот погаснет.

— Сонь, — голос Софы дрожал, — он сейчас умрёт.

— Знаю.

Соня перехватила фонарик, направила его под ноги — там, где земля была особенно скользкой от мха и корней.

— Возьми мой, — сказала Софа. Она потянулась к рюкзаку на ходу, но Соня остановила её жестом.

— Рано.

— Почему? — Софа дёрнула её за лямку, заставляя остановиться. — Он же гаснет!

Соня обернулась. Софа стояла, сжимая в руках свой фонарик, и свет от умирающего Сониного падал на её лицо снизу, делая его чужим, испуганным.

Соня перевела взгляд на свой фонарик. Свет был тусклым, почти мёртвым, но он ещё теплился. Вокруг них смыкалась темнота — между стволами, за кустами, над головой.

— Потому что этот ещё горит, — ответила она.

Софа замолчала. Она поняла — Соня бережёт. Но понимать было не легче. В темноте, которая сгустилась вокруг, каждый луч света казался драгоценным, как последний глоток воды в пустыне.

Они прошли ещё немного — Соня не знала, сколько, может быть, пять минут, может быть, полчаса. Фонарик почти не светил — только обозначал их присутствие, тонкое, дрожащее пятно на земле.

— Давай встанем, — сказала Софа. — Дождёмся утра.

— Нельзя. Замёрзнем.

— А если мы не замёрзнем? Если просто посидим?

Соня остановилась. Она чувствовала, как усталость наваливается на плечи — тяжёлая, свинцовая, как мокрая шинель. Ноги гудели, спина болела от лямок рюкзака, глаза слипались.

— Десять минут, — сказала она. — И идём дальше.

Они сели на землю, прислонившись спинами к толстому стволу. Соня выключила фонарик — чтобы сохранить остатки батарей. Темнота сомкнулась вокруг, плотная, осязаемая, как вода.

Соня начала считать.

— Раз, два, три... — одними губами, без звука.

Она считала не для того, чтобы успокоиться. Она считала, чтобы не сойти с ума.

Софа сидела рядом, прижавшись плечом к Сониному плечу. Она не плакала — слёзы кончились ещё час назад, когда фонарик начал умирать. Она просто сидела и слушала.

Лес молчал. Не было ни сов, ни ветра, ни треска веток — только тишина, такая густая, что она давила на уши. Софа слышала своё дыхание, Сонино дыхание, и иногда — далеко, очень далеко — чей-то шаг.

Софа замерла, прислушалась. Её пальцы вцепились в Сонино руку.

— Сонь, — прошептала она, и голос её дрожал, — ты слышишь?

— Что? — Соня тоже замерла.

— Кто-то идёт.

Соня замерла. Прислушалась. Ничего.

— Тебе кажется, — сказала Соня, но голос её дрогнул.

— Не кажется, — прошептала Софа. — Кто-то идёт.

Соня снова прислушалась. Теперь она услышала. Шаги — медленные, тяжёлые, с хрустом веток. Кто-то шёл прямо на них, с той стороны, откуда они пришли.

— Вставай, — сказала Соня, хватая Софу за руку. — Быстро.

Она включила фонарик — свет был тусклым, почти бесполезным, но хоть что-то. Они побежали — не разбирая дороги, спотыкаясь о корни, цепляясь за ветки. Шаги сзади не ускорились — они шли ровно, методично, как будто знали, что девочки никуда не денутся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.